

Дженни

Ферченко

Snow Job

Большая игра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дженни Ферченко

Snow Job: Большая Игра

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ферченко Д.

Snow Job: Большая Игра / Д. Ферченко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

«Snow Job: Большая Игра» — это откровенная история о ложных и истинных ценностях, о больших и мизерных деньгах, о тщеславии, алчности и сделках с совестью, а также о большой, но неосознанной любви. Содержит нецензурную брань.

© Ферченко Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Благодарность автора	6
Пролог	7
Глава первая. Леман Бразерс	8
Глава вторая. Утрата	13
Глава третья. Икра	17
Глава четвертая. Полуфранцуз	21
Глава пятая. Брик Лейн	25
Глава шестая. За что боролись, на то и напоролись	31
Глава седьмая. Златоглавая	40
Глава восьмая. Святая Екатерина	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

*Моей любящей маме,
чья любовь для меня – мой духовный Эверест.*

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события – продукт творчества и выдумки автора. Любые совпадения с реальными людьми или событиями – чистая случайность.

Благодарность автора

Огромное спасибо моим родителям, которые не всегда в меня верили, но тем не менее поддерживали меня как могли в течении всего процесса написания книги.

Я благодарна своей очень талантливой сестре – Лесе Лотыш, чьи картины и оригинальные идеи оказали большое влияние на моё творчество.

Особенно я признательна своему замечательному мужу за любовь, поддержку, терпение, и за возможность отдавать то же втройне.

Я благодарю всех моих друзей и всех людей, кто так или иначе повлияли на моё творчество, и, в частности, вовремя уволившего меня начальника и моего друга Фабиана Болина, с его впечатляющей победой над лейкемией.

«Главное, самому себе не лгите. Лгуций самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям, и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому. Лгуций себе самому прежде всех и обидеться может. Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навидумал и нагнал для красы, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, – знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...»

Федор Михайлович Достоевский

Пролог

Тут нет ничего, чего бы вы не могли услышать. Почему именно вам я хочу рассказать, именно вам, – не знаю; может быть потому, что я вас очень люблю. Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое навшее, самое порочное существо из всех на свете. О, не позорьте ее, не бросайте камня. Она слишком замучила себя самым сознанием своего заслуженного позора! И чем она виновата, о боже мой! О, она поминутно в исступлении кричит, что не признает за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодея; но что бы она вам не говорила, знайте, что она сама первая не верит себе и что она всю совестью не верит, напротив, что она... сама виновата.

Морозный воздух кусает мои щеки и руки. Я опираюсь на крыльцо, и в этот момент айфон выскальзывает из пальцев и падает экраном вниз на каменные плиты.

Они его убьют! Они убьют его, а потом убьют меня...

Моя душа кровоточит, и кровь медленно, беспокойно, тихо и неуклонно поглощает всю меня.

За окном колышется высокая, тонкая береза посреди иссохшего, бесцветного сада. Слабый ветер играет бахромой её длинных ветвей, и крошечные, мерцающие снежинки вспыхивают и сгорают в золотом огне низкого, слепящего солнца, возвещая о начале зимы.

Снежинки окутывают холодную, грязную землю серебряной шалью, очищая все грехи лета и осени... и этот управляемый хаос, в котором мы все погрязли, – огромный ресурс власти для таких людей как Акбар, для тех, кто, не моргнув глазом, сделают всё, что угодно, совершат самое безжалостное насилие только ради того, чтобы защитить свои деловые интересы.

Я ушла от него, знаете почему? Именно что бы доказать только мне, что он – низкая тварь. О, может быть вы этого не поймете... Знаете ли, что в этом всем обмане для него, может быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то. Иногда я пыталась ему помочь, чтобы он как бы опять видел вокруг себя свет; но тотчас же опять возмущался и до того доходил, что меня же с горечью обвинял за то, что я высоко себя ставлю, и что он ни от кого не требует ни высокомерного сострадания, ни помощи, ни «возвеличения до себя».

Всё вокруг – словно чистое полотно, снежная пелена, защищающая новый урожай, освобождающая место для новой жизни.

Я искренне радуюсь солнцу. Новый день настал. Я вдыхаю его свежесть. Мне не надо никуда бежать. Всё, что мне нужно, находится прямо здесь, в моем сердце, в моем кровоточащем сердце... Даже если оно перестанет биться, уже никто не сможет забрать воспоминание, как он держал мое лицо в своих руках.

Мы все хотим познать красоту жизни, но чего-то всегда не хватает. Однако ничто не мешает познать красоту смерти... впрочем, немногие желают воспользоваться этой возможностью.

Если я умру сегодня, то вкушу эту красоту.

Все замедляется в сонной тишине. Улыбаюсь ленивому солнцу, снегу на ветвях, счастьем в своей душе, которое он увидел раньше, чем увидела его я.

Если я не могу спасти его, то, по крайней мере, могу рассказать эту историю.

Глава первая. Леман Бразерс

Темные стены офисной душевой кабинки давят на меня, как стены гроба, затягивая в свою черноту. Вытирая пот бумажными полотенцами и застегивая строгую черную юбку, я всё ещё чувствую, как вчерашний снежок лениво тает во мне.

Почему он сказал, что я могу пропустить утреннюю планерку? За последние два года он мне не позволил пропустить ни одной планерки. Алекс всегда твердил: «Неважно насколько ты пьяная, обдолбанная, больная или уставшая – в 6:30 ты должна быть на собрании и конспектировать всё, что скажут аналитики».

И что это был за поцелуй? Он был таким нежным, таким настоящим... как будто он никогда не целовал меня раньше – может он, наконец-то, понял, что любит меня?

Мне становится всё жарче, жилки на висках пульсируют всё сильнее, я вся покрываюсь потом и больше не могу себя сдерживать.

Я наклоняюсь над раковиной и меня тошнит.

Стараясь не запачкать блузку, я быстро смываю зеленые и желтые нечистоты, вытирая всё насухо. Головокружение буквально убивает меня, но я должна держаться. Сейчас не плохо было бы бахнуть крепкого черного чая с сахаром. Заодно и горький привкус во рту прошел бы. Именно такой чай для меня заваривала мама...

Блин, я опаздываю! Сейчас планерка уже закончится, и все начнут разбредаться по своим рабочим местам.

Неожиданно новая волна поднимается из желудка и меня рвет... снова и снова... У меня едва хватает сил, чтобы открыть кран и смыть рвоту. Я обессиленно падаю на деревянную скамью у душевой кабинки. Похожая стояла в саду у мамы – цветущие розы и георгины, сладкий, пьянящий запах цветов и винограда. Мама гладит меня по голове, читая «Преступление и наказание»: *«Ты иногда необычайно, страстно влюблена в страдания».*

Нет! Не нужен мне твой чай. Я ненавижу его, особенно с сахаром! У меня престижная работа. Я инвестиционный банкир и не в каком-нибудь Хухуево-Кукуево, а, на минуточку, в Лондоне. В меня тут верят. Я не могу пренебрегать интересами банка и должна быть на рабочем месте вовремя.

Я быстро поднимаюсь и мою руки. Точно так же, как сделал это Алекс несколько минут назад. С таким же отстраненным видом, я надеваю пиджак, аккуратно зачесываю в хвост волосы и тихонько закрываю за собой тяжелую, деревянную входную дверь.

В пустом, холодном, отделанном золотом и мрамором в викторианском стиле холле, я, нетерпеливо, что бы не дай Бог не поймали, жду этот дурацкий, никуда не спешащий, полный зеркал лифт, в котором со всех сторон отражается моё бледное лицо. Хотя, если покрутиться, то можно увидеть и более интересную часть тела, как говорит Алекс, «самую отпадную задницу на трейдинге».

Через несколько мгновений двери наконец-то открываются, и я бодрым шагом выхожу в огромное, открытое, кишачье офисным планктоном, пространство с сильным запахом денег.

Я «надеваю» профессиональную улыбку и иду мимо пустых стеклянных офисов начальства, где этот запах особенно едкий.

Моя улыбка приобретает более самодовольный оттенок при воспоминании о том, как мы забавлялись с Алексом буквально полчаса назад, о его сильных руках, закрывающих мой рот и нос... как я не могла дышать, ощущая дрожь по всему телу. Наш маленький секрет...

Поправив юбку, я иду к своему столу.

– Катя, ты сегодня полдня работаешь? – доносится «дружелюбное» приветствие немецкой коллеги.

Она демонстративно стучит ногтем по циферблату Картье, показывая 7:15 утра.

– Полдня – ползарплаты, – ехидно констатирует она с ярко выраженным немецким акцентом. Такие, наверно, служили в гестапо... Её приглаженные гелем волосы и сердитое лицо без капли макияжа ещё больше подтверждают эту мысль.

– Я пришла раньше всех, – честно говорю я. – Просто бегала за кофе, – пытаюсь оправдаться я перед этой фригидной брюзгой, в этом смысле полностью оправдывающей своё прозвище Дева Мария.

– Похоже, тебе нравится кофе с молоком, – усмехается потаскушного вида светловолосая полячка, сидящая напротив, – не забудь вытереть усы, – хихикает она, попивая свой капучино.

– У тебя тут что-то... – парирую я, указывая на пенку от капучино над её верхней губой. Не сказав ни слова, она быстро вытирает её, манерно делая вид, что очень занята.

Как только я логинюсь в свой компьютер, тут же все мои шесть мониторов начинают мерцать бесчисленными запросами от клиентов.

В это же время вибрирует мой телефон. Сообщение от Алекса: «Продай ту структурную сделку, что я говорил. Сейчас же».

«Какая маржа?» – быстро печатаю я в ответ, вспоминая его устрашающий взгляд, возникающий всякий раз, если я не уточняю на сколько нагреть клиента.

«Все равно. Просто продай. Быстро!»

Впопыхах отвечая паре–тройке клиентов в чате, я набираю номер хедж фонда в Ливии.

– Ас-салам аллеикам, Ахмад. Это Катя из Леман Бразерс в Лондоне. Киф аль-халь? – я спрашиваю «как дела» по-арабски, чтобы расположить к себе моего контрагента.

– Катя, аллеикам ас-салам. Ты теперь учишь арабский? Вери гуд! – говорит Ахмад, жуя что-то.

– Я же в Лондоне живу, – отвечаю я, – ходила в клуб вчера ночью, там было с кем попрактиковаться.

– Приезжай в Ливию. Познакомлю тебя с молодым и очень богатым шейхом. Ты ему понравишься, – игриво сообщает он.

– Очередной нефтяной принц? – так же игриво спрашиваю, одновременно продавая пол корабля золотых слитков греческому банку, зарабатывая на этом пять процентов комиссии – это заслуживает отдельной благодарности от Алекса.

– Металлы. Сейчас он интересуется литием. Если ты найдешь хорошую цену, он женится на тебе, и тебе никогда не придется снова работать!

– И что, мне придется присоединиться к его многочисленному гарему? – фыркаю я, поймав на себе осуждающий взгляд Девы Марии.

– Нет, нет, хабибти! Ты будешь его принцессой, – отвечает Ахмад.

– Посмотрим, – брякаю я, особо не ведаясь на этот бред.

– Так как там с ценой на мою структуру? – спрашивает он, растягивая букву «р».

– Тебе повезло, у нас сегодня распродажа, – азартно отвечаю я, обновляя калькулятор цен с рыночными котировками.

– Так, посмотрим... она тебе обойдется в два миллиона триста тысяч долларов, – озвучиваю я, пытаюсь заработать двести тысяч долларов.

– Катя, хабибти, другой банк предлагает купить за два миллиона долларов, – нагло блефует он, явно занижая, пытаюсь развести меня на ниже рыночной себестоимости.

– Ахмад, хабиби, это же твой величайший ум придумал столь прекрасный продукт с заёмным капиталом, сложной документацией и нелинейными платежами из разных оффшорных структур, – заливаю я в восточной манере. – Внедрить такой схематоз стоит недешево.

– Женщина, ты хоть знаешь, что несешь! – резко отвечает Ахмад, так, что хочется бросить трубку и убежать в туалет. – Мы делали эту сделку с Алексом много раз.

Я глубоко вдыхаю и обновляю цену, которая уменьшилась на пятьдесят тысяч к данному моменту.

– Ладно, давай, ты платишь два миллиона сто пятьдесят тысяч долларов¹.

– Сделано! – неожиданно вскрикивает Ахмад так, что мне приходится быстренько мобилизоваться и перекрыть все риски на рынке, как того и требует вездесущий Британский финансовый регулятор².

– Премия за своп³, как обычно, ты переводишь на наш оффшорный счет на Кипре, хорошо? – говорю я, открывая разные системы. Надо, что бы выглядело так, что все эти сделки не связаны между собой, иначе моему прекрасному работодателю придется выложить кругленькую сумму для обеспечения этой транзакции. Единственный человек, который знает, что эти сделки связаны, это человек, который их регистрирует. То есть – я.

– Да, только заведи его отдельной сделкой на Кайманах, а нас тут шариатские законы, сама знаешь, проценты нельзя получать, – умиротворенно говорит Ахмад под крики чаек на заднем фоне.

– Уже сделала, – отвечаю я, переключаясь на следующий запрос от Римской католической церкви на свопцион⁴ в сербском динаре.

Господи, как я буду это котировать? Сколько надбавки необходимо заложить?

Красная строчка: «Rx +», означающая «Где моя гребанная цена?», уже достала мигать у меня перед глазами, и я котировую «5.5–6 %» – достаточно широко, на случай, если рынок резко двинется против меня. Уровень адреналина в крови зашкаливает, так как каждая десятичная дробь может стоить мне десять тысяч долларов.

Появляется новая красная строка: «Рыночный спред⁵ 0.2 %. Rx +».

– Какую цену ему давать? – спрашиваю я Деву Марию, как старшую по званию, разрываясь между другими запросами и Ахмадом, который требует официального подтверждения своей сделки.

– Осторожно! Эта церковь обдерет тебя как липку! – выкрикивает она в ответ своим металлическим голосом.

– Да знаю я, – говорю, пересчитывая свопцион, но цифры хаотично прыгают по экрану, от чего мне становится не по себе. Влетать в минус совершенно не хочется. Алекс по головке не погладит.

На мгновение я останавливаюсь, увидев худое, уставшее лицо в отражении одного из своих мониторов. Оно смотрит на меня посреди мерцающих цифр как мрачный призрак... непонятно только кого...

Неожиданно ко мне подбегает раскрасневшийся трейдер и орёт:

– Ты какого хрена завела этот ливийский своп мне в реестр?! У тебя что – совсем голова в жопе?

– Сорри... – лихорадочно оправдываюсь я, всё ещё пытаюсь трясущимися руками котировать словенскую церковь: «4.7–4.9 ... 4.1–4.3...»

– Ты что не понимаешь, что ты запоролла весь наш чистый баланс! – разрывается трейдер. – Все эти ваши стрёмные платежи регистрируются на специально созданный механизм. Срочно перебукируй, пока нас не оштрафовали!

– Окей, – всхлипываю я, – «5.6–5.8...»

---

¹ Премия/плата за продукт, который клиент покупает – примеч. ред.

² Речь идет о сложной, многоуровневой сделке, состоящей из различных финансовых инструментов, в том числе и открытых позиций по ФОРЕКС, которые должны сразу же перекрываться по всем коммерческим сделкам.

³ Процентный своп – производный финансовый инструмент, по которому одна сторона в определенную дату заплатит второй стороне фиксированный процент на определенную сумму и получит платеж на сумму процента по плавающей ставке от второй стороны.

⁴ Свопцион (англ. swaption) – производный финансовый инструмент, опцион на своп, контракт, дающий право его покупателю заключить сделку «своп» с оговоренными параметрами и фиксированной ценой в будущем.

⁵ Разность между лучшими ценами заявок на продажу и на покупку в один и тот же момент времени на какой-либо актив.

- Сейчас же! – он яростно плюется слюнями прямо мне в ухо.
- Хорошо, – я в панике переделываю регистрацию.
- Катя, твой телефон звонит, – отвлекает польская курва.
- Я занята, – резко отвечаю я.
- Там говорят, что это срочно, – надоедает она, вытягивая меня из пучины красных мерцающих чатов и незаконченных регистраций.
- Я делаю глубокий вдох.
- Добрый день, чем могу помочь?
- Это мисс Кузнецова? – спрашивает деловой женский голос.
- Да.
- Это Луиза из отдела кадров. Вы бы не могли зайти в переговорную комнату номер одиннадцать на первом этаже?
- Я бы с удовольствием, но сейчас очень занята и не могу покинуть рабочее место без согласия моего начальника, – мило отвечаю я, чтобы не получить предупреждение за грубость.
- Мисс Кузнецова, ваш начальник сейчас здесь, и мы договорились, что ваши коллеги займутся вашими сделками на время отсутствия.
- А, раз так, то конечно, – я, радостно и с искренней улыбкой, передаю запросы, переключая церковь на Деву Марию и направляюсь вниз.
- Неужели это повышение, которое Алекс мне уже год обещает? Может, поэтому он меня с утра так по-особенному поцеловал?

Переговорка представляет собой обычную белую комнату с высокими от пола до потолка окнами, длинным деревянным столом и невразумительными картинами на стенах.

Две никакие блондинки, в практически одинаковых костюмах сидят посередине стола. При виде меня они лениво поднимаются и жмут мне руку. Одна очень высокая и худая, а другая очень низкая и пышногрудая.

Алекс сидит во главе стола, с другой стороны. Его жиденькие темно-седые волосы аккуратно прикрывают плешь, а лицо усеяно темной щетиной, от которой у меня до сих пор не прошли красные пятна на груди и подбородке.

Он на секунду поднимает на меня взгляд, оторвавшись от своего телефона, но тут же приклеивается назад в экран, нервно барабанив левой ногой и теребя обручальное кольцо на пальце.

– Мисс Кузнецова, спасибо что пришли, – вежливо говорит высокая блондинка. – Я Луиза, а это – Николь Чапел, глава отдела кадров.

– Вы, конечно, знакомы с мистером Ригопулосом, – Луиза указывает на Алекса, поправляющего пиджак, скрывающий его волосатое, дряблое тело. – Мы пригласили его поприсутствовать, как вашего прямого начальника.

– Конечно, – отвечаю я и почему-то снова чувствую головокружение. Спазмы в желудке вернулись с удвоенной силой. Я медленно сажусь на белый кожаный стул, пытаюсь побороть слабость.

– Как вы уже поняли из предыдущей корреспонденции нашего отдела, сегодня подходит к концу период коллективных консультаций, – говорит Луиза, мило улыбаясь.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я, скрещивая руки и ноги, практически стибаясь вдвое в попытке облегчить судороги.

– Это значит, что ваше трудоустройство находилось под угрозой в течение месяца, и, как следствие, прекращено, – её слова пробиваются сквозь мою боль и бьют прямо в сердце.

– Вам больше не нужно приходить в офис, – продолжает невысокая блондинка, – Ваша электронная почта, доступ к данным и пропуск в здание будут незамедлительно приостановлены.

Внезапно холодный пот покрыл всё моё тело, а на глазах, против моей воли, выступили слезы. Чувствую, как моя температура повышается, и артерии начинают пульсировать.

Я кричу Алексу своим взглядом: «О чем, чёрт возьми, она говорит?», но он даже не смотрит на меня.

– Мы предлагаем вам очень хорошую компенсацию в качестве благодарности за ваши услуги, – говорит невысокая блондинка, – в размере трехмесячной зарплаты. Мы так же поддержим ваш визовый статус в течение этого срока.

Её ядовитый голос будто разъедает каждую мою клетку.

Не веря в происходящее, я смотрю на Алекса. Почему он ничего не говорит? Не заступится за меня, как обычно. Он единственный, кто меня всегда защищал от этих шакалов.

– Прости, – наконец говорит Алекс осипшим голосом. – Я правда пытался тебя защитить, но они решили, бизнес, который ты делаешь, слишком рискован для банка.

– Какой ещё риск? – возбужденно спрашиваю я, неожиданно чувствуя, что мои соски всё ещё болят от его покусываний.

– Твои клиенты, – шепелявит он с греческим акцентом, пытаюсь не смотреть мне в глаза, – то как они нажили свои капиталы и как ими управляют, представляют собой риск для банка.

– Ты же всегда говорил, что все наши клиенты – это твои клиенты... я завожу все сделки на твоё имя...

– Послушай, дело не в том, что ты сделала что-то не так, – перебивает он. Его губы становятся тоньше, а уголки рта опускаются вниз, – Рынок давно достиг своего пика и рухнет вниз... худшее ещё впереди. Мы все можем потерять работу, – не закончив фразу, он судорожно приклеивается к своему телефону.

Неожиданно, против моей воли, бесстыжие слезы наполняют глаза, обжигая щеки. Где, черт возьми, салфетки?

– Мисс Кузнецова, вы найдете всё необходимое в этом пакете, – продолжает Луиза с двулличной улыбкой. – Вам не нужно возвращаться на рабочее место. Ваши вещи будут высланы на ваш домашний адрес курьером. Наш сотрудник ждёт на выходе с вашим жакетом и сумкой. – Она встает, показывая тем самым, что разговор закончен, – Мы хотели сказать, что нам жаль и мы благодарны за всю вашу работу. Мы желаем вам удачи в вашей дальнейшей карьере, – она протягивает мне руку для формального рукопожатия.

Ошеломленная, я смотрю на Алекса. Миллион вопросов проносится в моей голове, но рвотный порыв заставляет быстрее покинуть переговоры.

– До свиданья, – тихо говорю я и, схватившись за живот, бегу в туалет.

Так значит, это был прощальный поцелуй...

Глава вторая. Утрата

По телевизору идет какая-то комедия, но мне не смешно. Кажется, она идет уже целую вечность... Наигранный смех действует мне на нервы, но не могу её выключить. Я могу только сбежать.

Сверкающая всеми оттенками бирюзового, моя ванная комната манит своим простором и огромными зеркалами – как в хорошем отеле в какой-то бесконечной командировке, в которой у меня вечно нет времени, чтобы вволю понежиться в роскошной ванне.

Теперь у меня времени завались, но я даже не могу поднять ногу, чтобы встать. Всё, что я заслуживаю, это лежать на керамическом полу и пялиться на свой ободранный маникюр.

Дрожа от озноба, я просматриваю ленту Фейсбука в надежде, что Алекс прервет это бессмысленное занятие хоть самым малюсеньким, незначительным сообщением.

Внезапно раздаётся волнующий звук входящего смс с незнакомого номера. Может, он поменял SIM-карту...

«Привет, это Габи. Это мой новый номер. Я вчера так набухалась, что потеряла телефон. Клиент из Голдмана устраивает вечеринку сегодня в Кенсингтон пэлэс. Тащи сюда свою секси задницу;)».

Я медленно переворачиваюсь на другой бок и продолжаю сдирать лак с ногтей.

Никто не должен видеть меня в таком состоянии. Кому я могу понравиться такой? Даже если никто ничего не скажет, все равно они будут тыкать за моей спиной в меня пальцем и шептаться друг другу с отвращением о том, какая я неудачница.

Разве может быть по-другому? Я – неудачница. И никакой душ этого не смоет.

В животе снова урчит. Неужели там осталось хоть что-то, чем я могла бы вырвать? Мой желудок практически прилип к позвоночнику.

Банки с икрой, которые я привезла для Ричарда из Москвы, – единственное, что есть в холодильнике, но я же ему её обещала...

Из последних сил я дотягиваюсь до корзины с грязным бельем, чтобы накрыть замерзшие ноги далеко не свежим полотенцем, и сворачиваюсь в клубок, будто я в чреве матери... защищенная... обогретая... любимая... умиротворенная...

Она разрывает в клочья мои рисунки акварелью. Ключки счастливой семьи валяются, разбросанные по полу.

Папа уходит из дома через цветущий сад. Мама плачет и клянет его, на чем свет стоит. Я беру новый лист бумаги и рисую отца в коричневых и голубых тонах с желтыми волосами и красной линией на месте улыбки... большой и сильный.

Мама входит в комнату и нарочно опрокидывает баночку с водой на мой рисунок. Краски капают с листа, словно кровь. Они становятся грязью и размазывают папино лицо.

– Я же сказала тебе, не рисовать больше этого дебила! – она дает мне пощечину.

Ненавижу её... Я ненавижу всё, что с ней связано. То, как она выглядит, как говорит, как готовит...

Не могу больше находиться с ней в одном доме. Я убегаю, что есть силы, через железнодорожные пути в лес и останавливаюсь на чудесной, залитой солнцем поляне.

Сосны, клены, столетние дубы и молодые березки окружают меня. Теплый ветерок колыхает их ветви и листья. Симфония лесных звуков завораживает. Всё вокруг дышит свежестью и недавним дождем.

Передо мной возвышается огромный холм. Мне так хочется взобраться на него, чтобы с вершины увидеть сказочную страну и счастливых людей, живущих у подножья холма.

Я направляюсь к нему, но неожиданно холм начинает двигаться. Я застываю на месте, не веря своим глазам... делаю ещё несколько шагов вперед, и в этот момент я понимаю, что

это огромный монстр поднимается и поворачивается ко мне, вытягивая свою длинную шею и открывая пылающую пасть.

Языки пламени преследуют меня, пока я бегу обратно, пытаюсь позвать на помощь. Хоть кто-то должен меня услышать!

Я открываю рот, напрягаю связки, но не могу выдать из себя ни единого звука. Снова и снова я пытаюсь закричать... кашляю и задыхаюсь.

Запыхавшись, я бегу из последних сил, пока не спотыкаюсь о торчащий корень дерева. Двести долларов, которые я взяла из маминого кошелька, выпадают из моего кармана. Я хочу их подобрать, но жар из пасти дракона обжигает мне пальцы и деньги сгорают. Я быстро поднимаюсь и вижу, что мои ноги в крови.

Моё сердце выскакивает из груди. Я открываю глаза и вижу перед собой гламурную бирюзовую ванную. За мной не бежит дракон, и крови на мне нет... По инерции я начинаю суетиться, чтобы как всегда бежать на работу, но вспоминаю, что мне некуда идти... Я никому не нужна.

Не стоит помышлять зарубить человека топором, не перекрестившись.

Никакой крови нет. Моя грудь опухла, как и положено, в это время месяца, но нет никакой боли внизу живота. Может, я все придумываю? У меня уже давно не было месячных. Алекс всегда избегал меня в эти дни: грязная, вонючая...

«Я умру». Мысль была ясной, как утренняя роса весной. Она пришла в голову, когда первая в жизни капля крови вытекла из меня.

«Что прикажешь делать с этими испачканными трусами и юбкой? Они стоят денег, ты понимаешь? Кто-то должен их зарабатывать. Деньги не растут на деревьях», – что есть мочи ворчала мать.

Я поспешно засовываю два пальца вовнутрь и быстро их вынимаю, рассматривая беловатую массу. Ни следа крови.

«Зрелый французский сыр, отлично сочетается с мерло...», – говорил Алекс на тусовке в пабе рядом с офисом. Он тогда опрокинул на меня бокал с красным вином.

– Катя, ну кто ж так делает. Вот из-за тебя разлил отборное пойло.

– Прости, Алекс.

– Надо бы тебя наказать... Хочешь немного кокса? Пошли в туалет.

Он кончил в меня тем вечером? Алекс сказал, это произошло, потому что слишком сильно сжимала мышцы внутри, и он не смог сдержаться... но он же сам на этом настаивал.

Пытаясь побороть внезапное головокружение и тошноту, я выползаю в коридор, натягиваю футболку и леггинсы из спортивной сумки, завязываю волосы в тугий пучок и бегу в ближайшую аптеку.

Покрытое тяжелыми облаками, небо предвещает дождь. Из-за сильного ветра я с трудом преодолеваю дорогу и, дойдя до аптеки, молча покупаю тест на беременность вместе с нарезанными яблоками за три фунта. Приходится заставлять себя их съесть, чтобы совсем не свалиться в голодный обморок.

Металлический привкус во рту беспокоит меня намного меньше, чем та серая туча над головой, которая всё-таки разразилась проливным дождем.

Впопыхах, я вбегаю в первый попавшийся полупустой паб и прохожу мимо пары хорошо одетых мужчин у бара, изо всех сил, перекрикивающих одну из песен Рианны, гремящей из динамиков. Они смотрят на меня оценивающим взглядом. Может улыбнуться им? Нет! Я буду им противна... неудачница.

Украдкой, я поднимаюсь в туалет по темным узким лестничным пролетам. Сквозняк пронизывает меня до костей.

В маленькой кабинке с полом в клеточку я оперативно писаю на белую палочку и выжидаю две минуты, втыкаясь взглядом в орнамент пола, но уже сейчас две беспощадные полоски на тесте отчетливо видны.

Черт!

Никто не возьмет на работу беременную женщину и не продлит рабочую визу...

Быстрый поиск в Гугл по запросу «аборт в Челси» показывает, что ближайшая клиника находится в Медицинском центре буквально пять автобусных остановок от моего дома. Недолго думая, я набираю их номер и назначаю срочный прием через два часа.

На улице льёт холодный дождь, заставляя меня скукожиться в три погребели по дороге домой, где я, уговорив себя, что достойна, разрешаю себе принять горячий душ.

Какой ужас, у меня уже огромный живот!

Учитывая, сколько наркоты и бухла я употребила в последнее время, этот ребенок никак не может быть здоров. Какой к черту ребенок?

Я быстро сушу волосы и надеваю джинсы, кашемировый свитер, кожаный жакет и ботинки.

Дождь уже не идет. Снаружи слишком душно, и головокружение возвращается. В автобусе мне становится еще хуже. Внутри невыносимо жарко, как в бане... я потею под мягкой шерстью свитера. Маленькие шерстяные узелки прилипают к телу, а дорогой аромат духов вызывает желание вырвать.

Ещё пара остановок, лишь бы не потерять сознание...

Каким-то образом я нахожу силы и тащу себя через улицу в серое индустриальное здание. Желтый разъеденный линолеум, голубые пластмассовые стулья, детские рисунки, женщины, обмотанные в паранджу и едкий запах дешевого освежителя, смешанного бог знает с чем, вызывают желание как можно быстрее отсюда уйти.

– Я просто не готова сейчас заводить ребенка, – объясняю я внимательной индуске, которая только что сделала мне УЗИ и подтвердила мои наихудшие опасения.

– Вы бы хотели прервать беременность? – спрашивает она с доброй улыбкой.

– Да, пожалуйста.

– Учитывая ваш небольшой срок, мы рекомендуем без операционную процедуру, – говорит она доброжелательно.

– Хорошо, – я киваю головой, нервно скатывая кашемировые узелки потными ладонями.

– Вам нужно будет принять две таблетки с перерывом в сорок восемь часов, чтобы спровоцировать выкидыш. Могут возникнуть кровотечения и боль как во время месячных, – добродушно говорит медсестра, выписывая рецепт.

– Старайтесь отдыхать как можно больше и есть много свежих фруктов. Если возникнут проблемы, звоните в сервисный центр, – она отдает мне желтую бумажку и приглашает в кабинет следующую пациентку.

Страшный линолеумный пол все еще стоит перед глазами, даже лежа в кровати.

Холодная водка помогает. Она больше не обжигает горло, и пить без бокала стало вполне привычно.

Мне ужасно хочется спать. Но стоит закрыть глаза, как я снова вижу этот чертов пол.

Убийство – самое большое из всех преступлений. Преднамеренное самоубийство несоизмеримо ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью в лесу, или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут, всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают; тут приговор, и в том, что не избежишь уже принятого решения... и сильнее этой муки нет на свете.

Айфон звонит где-то на периферии моего сознания.

– Катя, детка, это Алекс. Как ты заводишь сделку с Ахмадом. Я никак не могу разобраться. Если я их не найду, потеряю пять миллионов долларов из своего бюджета и мне совсем этого не хочется, сама понимаешь. Ах, ты спишь? Э-э, окей... Я перезвоню позже.

Глава третья. Икра

Который сейчас час?

Какой сегодня день?

Ричард. Вечеринка. Долбанная икра... сама же вызвалась тащить её из Москвы. Вот дура. Жмурясь от яркого экрана телефона, я мельком вижу, что сегодня пятница, 25 июля 2008 года, 19:12.

Вечеринка только началась. Раз обещала – значит надо.

Это всего лишь домашняя тусовка у коллеги Ричарда... миллионеров там точно не будет. Производить впечатление особо не на кого. Все такие же журналисты, как и он.

Сидя на краю кровати в тени надвигающихся сумерек, я пытаюсь нанести макияж, но руки меня не слушаются. В конечном итоге я бессильно роняю помаду и сижу, не двигаясь, как наркоман после дозы.

Вот только никакой дозы не было. Вообще ничего не было... только капли дождя, уныло стучащие по окнам.

Старая закалка собраться за пятнадцать минут на работу сейчас приходится очень кстати.

Я неохотно поднимаюсь, пытаюсь втиснуть свой раздувшийся живот в джинсы, прикрывая его сверху свободной шелковой блузкой.

Что есть ад? Сстрадание о том, что нельзя уже более любить.

Не включая свет, я медленно иду на кухню, достаю наощупь черный мусорный пакет и засовываю туда зеленые консервы с икрой, лежащие в холодильнике.

Я быстро надеваю плащ и туфли на плоском ходу, и выхожу на холодную туманную улицу.

Черное такси моментально подъезжает – преимущество жизни в Челси, во всяком случае пока.

– Куда едем, дорогуша? – спрашивает меня лысый таксист.

– 334, Куинстоун Роуд, пожалуйста, – я читаю вслух адрес из сообщения на телефоне.

– Отлично, это как раз за мостом, – говорит он, и мы отъезжаем.

– Едете на пати? – спрашивает водитель, с явно не гламурным акцентом.

– Угу, – неохотно отвечаю я.

– Везете с собой что-то интересное? – спрашивает он, указывая на мой черный пакет.

– Ах, это... это – моя прошлая жизнь, – неохотно отвечаю я.

– Вы туда поместили голову вашего бывшего бойфренда? – смеется он.

– Что вы имеете в виду?

– Просто шучу, дорогуша. Приехали, – говорит он, останавливаясь у широкого подъезда.

– Можно чек? – спрашиваю я по привычке для отчетности. – Впрочем, не стоит, – я вспоминаю, что у меня больше нет корпоративной кредитки, – оставьте сдачу себе.

Пытаясь не намочнуть, я бегу под широкий козырек парадного лондонской новостройки. Холодная и мокрая стеклянная дверь открывается, как только я нажимаю кнопку с нужным номером квартиры.

Музыка и нетрезвые голоса ведут меня из лифта по просторному коридору в квартиру с низкими потолками и запахом растопленного сливочного масла, смешанного с дешевым вином.

Гостиная наполнена подвыпившими гостями, сосредоточившимися вокруг стола с напитками в пластиковых стаканчиках. От них разит алкоголем, фальшью и высокомерием.

Не слыша легкого французского акцента Ричарда, я направляюсь туда, где наиболее вероятно могу его увидеть – на кухню, где, по идее, он должен печь блины.

– ...и потом я вставляю ногу в петлю на доске, резко разворачивая парус к волне. Ой-ля-ля! Он ломается надвое! – Ричард с чувством рассказывает очередную байку для нескольких благодарных слушательниц в коктейльных платьях.

Он с энтузиазмом демонстрирует свои мышцы и прекрасное телосложение, делая вид, что стоит на доске для серфинга, пытаясь ничего не раздолбать в душевной кухоньке. Предсказуемая, обтягивающая его огромные бицепсы, белая футболка и темно-синие джинсы, укороченные под его невысокий рост, делают свое дело. А голубые выразительные глаза и темные зализанные волосы, как у молодого Леонардо Ди Каприо, окончательно добивают присутствующих.

– Он потратил шестьсот евро, чтобы починить парус, – бойко вставляю я, протискиваясь к нему.

– Катя! – восклицает Ричард, бросая ложку в тесто.

– Я уж думал ты не придешь. Ты окей? – он целует меня в обе щеки, как это принято в Лондоне.

– Я обещала принести икру, – тихо говорю, ловя на себе осуждающий взгляд безвкусно одетой низкорослой блондинки с неприлично глубоким декольте.

– Новому главе по новостям из России в Файненшал Таймс нужна настоящая русская вечеринка: икра, блины, водка, шампанское, цыгане... начать можем с икры, – я пытаюсь звучать, как обычно, беззаботно.

– *Magnifique*⁶! Спасибо. Не могу дождаться твоих бесшабашных историй и танцев на столе, – подмигивает мне Ричард.

– Не знаю... – я нерешительно мямлю в ответ.

– Она всегда так говорит, а потом ставит весь дом на уши, – Ричард улыбается рядом стоящей незнакомке, наливая мне бокал красного вина.

– Не сегодня точно, вряд ли...

– Кстати, это – наша милая хозяйка и моя новая коллега Софи, – Ричард представляет блондинку в платье такого же грязно-бежевого цвета, как и ковровин в этой квартире.

– Я так рада с тобой познакомиться, – наиграно щебечет она, вяло пожимая мне руку. – Ричард столько всего хорошего о тебе рассказывал.

Её шпильки должно быть сантиметров двадцать пять как минимум, но мне сверху хорошо видны её недавно-прокрашенные корни волос.

– Правда? – спрашиваю я с недоверием, опираясь на подоконник, чтобы лучше разглядеть хитрые темно-карие глазки Софи.

– Да, он рассказывал, как много ты работаешь и как ты предана своему делу, – говорит она, открывая дверцу на балкончик и зажигая тонкую сигаретку. – Так как вы познакомились?

– В самолете, по дороге в Москву, – отвечаю я, пытаясь не потерять сознание от смеси сигаретного дыма, вина и запаха свежих блинчиков, которые печет Ричард.

– В бизнес классе закончились места, поэтому Кате пришлось сидеть рядом со мной в среднем ряду в экономе, – радостно сообщает Ричард, разбивая яйца. – Естественно, она была не очень этому рада.

– Ага, а ты помнишь лицо этой несчастной стюардессы, когда она реально подумала, что ты хочешь, чтобы она раздобыла нам устриц и шампанского для празднования нашего знакомства? – тепло вспоминаю я.

– Да, в эконом классе экономят даже на словах. Там только два слова: рыба, мясо, – говорит Ричард с интонацией стенд ап комика.

– Ну да, в бизнес классе, конечно, повежливее – Доброе утро, добро пожаловать на борт. Что бы вы хотели на обед?

---

⁶ Великолепно! (фр.) – примеч. ред.

– А ты помнишь, как тогда достала того толстого чувака, сидящего у прохода, – вспоминает Ричард.

– А что мне оставалось делать – они забрала все мои вещи наверх, а мне были нужны то наушники, то книжка...

– Твоя сумка постоянно падала ему на голову, – Ричард стукнул себя ложкой по лбу, снова смеша меня.

– Нет, правда... Его тело распласталось на пол моего сидения. Мне же нужно было как-то уместиться... – я пытаюсь найти правильное слово в английском языке.

– Ага, – осуждающе кивает Софи, выдыхая сигаретный дым.

– Это так... нечестно. Мне пришлось доплатить пятьдесят фунтов за перевес багажа, а толстых просто так пускают без доплат, – говорю я, тут же жалея об этом, чувствуя, что Софи явно за это зацепится.

– Так ты что-то сказала этому бедолаге рядом с тобой? – спрашивает она тоном строгой учительницы.

– Нет, конечно, – оправдываюсь я, – У него на голове были огромные наушники.

– Интересно... – говорит Софи задумчиво.

– Так как же девушке с Украины удалось попасть в инвест банк, да еще в Лондоне?

– Вообще-то я получила магистерскую степень в университете Боккони, – гордо заявляю я.

– А мы с Ричардом тоже встретились в Италии, – бестактно вставляет Софи.

– Мы оба учились год в университете в Генуе по программе обмена студентами, – говорит Ричард, радостно водружая тарелку с блинами на стол, и я начинаю закручивать в них икру.

– Мы там были единственными британцами, точнее я была единственной британкой, – пафосно декларирует Софи. – Ричард все-таки наполовину француз.

– И как тебе Италия? Итальянцы? – спрашиваю я, пытаюсь хоть немного растормошить эту снежную королеву.

– Ах, они очаровательны.

– А что тебе больше всего понравилось?

– Интересное чувство стиля... и такта. Их гастрономические обычаи впечатляют, хотя и длятся дольше, чем коронация королевы.

– Ну, в этом же весь цинус – это делает Италию Италией, – улыбаюсь, кладя первый блин комом на поднос.

– Я провела антропологическое исследование итальянцев, чтобы выявить их когнитивные поведенческие модели в современной инвестиционной деятельности, – тараторит, поправляя свою, чрезмерно затянутую в платье, грудь.

– Это как? – недоумеваю я.

– Например, эта их самоуверенность, чрезмерная эмоциональность, склонность к азарту... культурное и социальное взаимовлияние... – бубнит Софи голосом бездушного робота.

– Но ведь Италия намного интересней: это аперитиво, дежастиво, антипасти, эмоциональные обсуждения, ссоры из-за пересоленной пасты и громкие примирения во время обеда, комплименты «bella», «brava»... – я активно жестикулирую с итальянским акцентом.

– Ну, у нас там было несколько бесшабашных ночей, – смутно декларирует Ричард из-за плиты, – даже Софи не устояла перед итальянским шармом.

– Ради бога, Ричард, ты же не думаешь, что это было нечто серьезное! – восклицает она, хватая сыр и буженину из холодильника для фаршировки блинов.

– Итальянские мужчины – вообще отдельная история. Это – как водить Феррари: высокая скорость, отсутствие тормозов, нет времени перевести дух. Он весь твой без остатка, но только на одну ночь, ну или на пару недель, – вешаю я со знанием дела.

– Это отвратительно! Одноразовый перепихон – не мой стиль, – с осуждением говорит моя новая знакомая, кладя на поднос идеальный ролл.

– Я имею в виду, они знают, как вести себя с женщиной, – пытаюсь объяснить я. – Они приглашают тебя в лучшие рестораны, заваливают комплиментами, на закате признаются в вечной любви, вкушают твои губы... – говорю я театральным тоном, еще больше смущая Софи. – Ты-то знаешь, раз жила там.

– Конечно, нет! Но ты, очевидно, хорошо осведомлена, – язвительно замечает она.

– Вообще-то, у меня были серьезные отношения с юристом из Милана, – ответственно заявляю я.

– И что же случилось? – язвительно спрашивает британка.

– Я вынуждена была выбросить все его вещи из окна, когда узнала, что он мне изменил, – спокойно отвечаю, делая глоток вина.

– Классика! – восклицает Ричард, стоя за плитой. – Я даже могу представить, как ты при этом кричишь «basta» и «bastardo» прям как настоящая итальянка.

– Это было больше похоже на «pezzo di merda brutto figlio di troia bastardo⁷», – я по привычке транслирую образ уверенной в себе стервы, невольно провоцируя неловкую паузу.

– Ах, семейное поместье Ричарда на севере Франции просто очаровательно, – Софи тактично меняет тему разговора.

– Ты же вроде больше никогда не хотел туда возвращаться? – я туплю на Ричарда в изумлении.

– Мы проезжали мимо Биаррица перед тем как сесть на паром в Англию, – говорит Ричард, уставившись на сковородку.

– Атлантическое побережье просто невероятно! – восклицает Софи. – Дом, конечно, немного обветшалый и простоватый, но всегда же можно заплатить кому-то, чтобы его облагородили на продажу, – по-хозяйски говорит Софи.

– На продажу? – спрашиваю я с нескрываемым удивлением. – Я думала, что ты хотел сохранить его как воспоминание о своем отце... реставрировать его скульптуры?

– Они выглядят восхитительно! – вмешивается Софи, косясь на поднос с блинами. – Наши гости, должно быть, очень проголодались. Катя, ты бы не могла мне помочь отнести еду в гостиную?

– Иди, я сейчас, – съезжаю я, делая вид, что занята фаршировкой блинов.

– Что случилось? – Ричард подходит ко мне и внимательно смотрит в глаза.

– Меня... уволили, – всхлипываю я, делая глубокий вдох. – Алекс уволил.

– Вот, козел! – мой друг отставляет в сторонку сковородку и обнимает меня так, что непрошеные слезы заливают мне глаза, и я не могу их сдержать. – Но это же не конец света, Катюх. Жизнь продолжается.

– Он научил меня всему, что я знаю... помог получить рабочую визу... он был идеальным мужчиной, – я отворачиваюсь, сопя, стараясь не расклеиться окончательно.

– Катя, ты молодая и красивая. Вокруг тебя вьется куча мужиков. Ты обязательно кого-нибудь встретишь. Может быть даже сегодня!

– Угу, – отвечаю я, пытаясь улыбнуться.

– Давай, иди потусуйся. Познакомься там с кем-то. Может и мужчину своей мечты встретишь, – подмигивает мне Ричард.

---

⁷ Кусок дерьма, ублюдок! (итал.) – примеч. ред.

Глава четвертая. Полуфранцуз

– Babushka... harasho... suka, – типичный рыжеволосый британец, очень похожий на друга Гарри Поттера, в таком же бархатном пиджаке, с завязанным поверх клетчатым шарфиком, пытается поразить меня своим знанием русского.

– Надо же, всего лишь десять вечера... – я, зевая, смотрю по сторонам.

– Ещё вина? – он берет у меня пустой пластиковый стаканчик и, шатаясь, идет к столику с напитками, продираясь сквозь стайку местных баб, всех до одной похожих на Софи.

– Русские девчонки – просто отпад! – он, перекрикивая музыку, радостный как кокер-спаниель, прибегает обратно.

– Прости, мне нужно... в ванную, – говорю я с полным отсутствием интереса.

– Катя! – Софи ловит меня на полпути со своей лицемерной улыбочкой. – Спасибо за икру. Я всем рассказала, что ты специально привезла её из Москвы.

– Я просто забежала в магазин, когда была там в командировке.

– Моему интерну Бену ты, похоже, очень нравишься, – она кивает в сторону рыжеволосого малолетки.

– Он очень милый, – я вежливо, по-британски, даю понять, что это совсем не мой тип.

– Ну, так что, Ричард когда-то приглашал тебя куда-нибудь? – выпаливает Софи, покачиваясь на каблуках в такт музыке.

– Мы часто куда-нибудь ходим вместе, – сухо отвечаю я.

– Я имею в виду... вы... это самое? – спрашивает она шепотом с особенно аристократическим произношением.

– Чего?

– У вас было это? – Софи с загадочным видом трет один указательный палец об другую.

– Это?

– Я имею в виду... секс, – шепчет она.

– Ах это... нет, мы просто друзья, – говорю и вижу, как при моих словах на её аристократичном лице отобразилось облегчение, – но он трахает практически всё, что движется, – цинично добавляю я.

– Как? – недоумевает она, хлопая ресницами. Её губы нервно подрагивают.

– Его философия: заниматься сексом как можно больше до того, как постареет и больше не сможет, – вещаю я, подспудно понимая, что Алекс закрутил интрижку со мной, возможно, по этой же причине.

– Вот как, – комментирует она озадаченно, начиная трезветь. – Где же он их всех находит?

– Да повсюду. Интернет, клубы... его студентки.

– Ах да, он же преподает, конечно. Мне как раз предложили преподавать, – говорит она, отхлебывая какого-то пойла из пластикового стаканчика.

– И где же? – спрашиваю я для поддержания беседы.

– Вроде бы Магдален Колледж в Оксфорде, – говорит Софи, вытаскивая откуда-то свой мобильник. – Они мне звонили во время королевских скачек – я толком не расслышала и теперь не могу найти их номер. Он был где-то тут! – покачиваясь, восклицает она, неумело пересматривая список входящих.

– Видно тебе это сильно надо, – бросаю я скептическую ремарочку.

– Мне твои ехидные замечания на фиг не нужны, – Софи неожиданно взрывается, – нельзя же всем быть такими идеальными как ты!

Я смотрю на нее, круглыми от удивления глазами, которые быстро наполняются слезами от несправедливости и гормональных изменений... Они все в этом городе ненавидят меня.

– Извини, – еле сдерживаясь говорю я и бегу подальше от этой сучки в ванную, в надежде умыться холодной водой и как-то успокоиться... Но ванна оказывается занятой и у двери толкучка из пьяного, так называемого высшего общества.

Сделав несколько глубоких вдохов и расправив плечи, я пробираюсь на кухню к Ричарду.

– Как блины? – спрашиваю я, как ни в чем не бывало.

– О, привет! Как вечеринка? – дружелюбно любопытствует он.

– Там по ходу народ набухался и скоро, по-видимому, будет валяться в блевотине.

– Типичные англички, – ухмыляется мой наполовину британский друг.

– Я лучше пойду домой...

– Подожди, – Ричард вдруг откладывает свои поварешки, – давай я тебя провожу.

– Это же твоя вечеринка, там твои новые коллеги. Я и сама могу добраться, не парясь, – говорю я, надеясь побыстрее отсюда свалить.

– Они все равно завтра ничего не будут помнить, – улыбается он. – До твоей квартиры всего минут пятнадцать пешком. Я еще успею вернуться. Подожди пару минут. Я сейчас тут всё повывключаю, – говорит Ричард, отставляя сковородку.

– Ок, – невольно соглашаюсь я.

– Если хочешь, можешь подождать на балконе, – он открывает дверь на миниатюрную верандочку с видом на стройку, над которой возвышаются четыре мрачные трубы электростанции Баттерси.

Легкий дождик обволакивает моё лицо. В Биаррице, кажется, это называется «чири-мири». Очень подходящее слово... эта изморозь поглощает мою душу...

Тусклый свет тонет во влажном воздухе. Точки света в лужах становятся тенями. Музыка звучит всё дальше и дальше.

Где-то там люди бездумно веселятся, но для меня тут только мрак. Мне здесь не место... *Кто же и за что меня после этого будет судить?*

Фиолетовые, желтые и красные цветы манят меня куда-то в бездну. Их насыщенный аромат зовет прилечь на их цветочном одеяле.

Если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал и природу при жизни своей, которому она подчинялась...

Больше не будет боли. Никакой боли... никогда.

– Ты уверена, что обойдешься без танцев на столе? – шутливо спрашивает Ричард, вваливаясь на балкон.

– Нее... – мямлю я, возвращаясь в реальность.

– Ну что, пойдём?

– Угу, – я смотрю на свои бледные, холодные ладони и снова на дьявольские рога электростанции – такие манящие своей чудовищностью.

– Мне, правда, жаль, что ты потеряла работу, – мягкий голос Ричарда звучит будто изда- лека, но каким-то образом достигает моего сознания, – когда умер мой отец, мне казалось, будто разверзлась огромная черная дыра и засосала туда все мои чувства. Моя жизнь остано- вилась. Она всегда будет поделена на две половины – до и после его смерти. Я не могу вернуть своего отца, но ты можешь найти новую работу. Легко. Ты умная, настойчивая, целеустрем- ленная и уверенная, и ты – боец, даже если сейчас этого не осознаешь. – говорит он, опира- ясь своими мускулистыми, пахнущими сливочным маслом руками рядом со мной на перила балкона.

– Я – умная и настойчивая? – искренне недоумеваю я с отпавшей челюстью, и до меня тут же доходит, что весь мой рот темно-бордового цвета.

– Это нормально, что у людей от красного вина темнеют зубы, – Ричард говорит, как бы невзначай.

- Это же некрасиво как-то, – смущаюсь я.
- Ты всё равно останешься моим другом, даже если у тебя все лицо покроется крапинками, – дразнится он, направляясь к выходу, – хотя ты и знаешь, как я отношусь к алкоголю.
- Он разрушает столбовые клетки мозга, – бубню я, одевая по дороге свой плащ.
- Это как минимум, – говорит Ричард, выходя на мокрую улицу. Его волосы намokли под дождем, и теперь они выглядят как горшок вокруг его массивного лица.
- Как там твоя преподавательская деятельность? – спрашиваю его, проходя по ярко-освещенному мокрому мосту через Темзу.
- Господь с тобой, учебный год уже месяц как закончился. Ну, там были неплохие выпускные в наших обычных клубах типа «Мовида», «Чайна уайт»...
- Всё ещё ходишь по этим студенческим съемам? Чем там все закончилось с той сексапильной студенточкой? – спрашиваю я, и лицо Ричарда тут же озаряется довольной улыбкой, говоря об очередной медали на его накаченной груди. – Так с ней всё серьезно?
- Она милая, но еще слишком мелкая для меня, – говорит он с уверенностью.
- У меня сложилось впечатление, что она была идеальной.
- Мне нравится быть в состоянии влюбленности, но это не означает, что я хочу быть с ней, – говорит Ричард задумчиво, шлепая по лужам на Челси роуд.
- А что с ней не так?
- Ей хочется всех этих внешних шаблонных ухаживаний, типа кофе в постель, цветов... Я даже был бы и не против, но она жутко раздражает своими придирками и попытками возложить на меня ответственность за свою жизнь. Она просто не в состоянии понять, какой я, на самом деле и что для меня важно. Все, чего она хочет – это слышать постоянные комплименты и признания в любви.
- А что тут такого? – дразню я его.
- Понимаешь, иногда, когда я или, например, твои родители, орут на тебя – в этом больше любви, чем в этой дурацкой фразе «я люблю тебя».
- Меня родители не любили, – резко вставляю я.
- Любили, – уверенно говорит Ричард, – но таким образом, который ты не могла принять. Многие люди даже этого не имеют.
- Может твоя девчонка тоже тебя любит, но тебе не нравится, как она это делает.
- Может. Но с девчонками и мальчишками мы можем выбирать, а родители – уж какие есть.
- Жаль... она тебе так нравилась, – говорю я искренне. – Видимо, она или тупая, или бревно в постели. Или и то, и другое.
- Просто не доросла мозгами ещё. Мир большой. Есть кого выбрать! Советую и тебе так думать, а не заикливаться на Алексе.
- Если бы это было так легко, – пожимаю я плечами.
- Слушай, а как на счет того, чтобы пожить у меня, пока не найдешь новую работу, – с воодушевлением говорит мой дружан, подходя к моему дому.
- Шутишь? В твоей маленькой квартирке на Брик Лейн?
- Я могу спать на матрасе на кухне, а ты будешь спать на моей кровати в комнате, – глаголит он, отвлекаясь на сообщение на его древней Нокии. – Соглашайся.
- Ну, я не знаю...
- Когда будущее неопределенно, необходимо экономить деньги, – он говорит, как Алекс, – Я помогу тебе переехать. Твоя аренда – это огромный расход, который ты просто обязана сократить.
- Ну, может ты и прав, но мои вещи никогда не смогут поместиться в твоей студии, – говорю я, не хотя доставлять неудобство Ричарду.

– Моя квартира куда более вместительна, чем кажется. Не самая симпатичная, но моя собственная, – улыбается он, печатая смс-ку.

– Зачем тебе это надо? – спрашиваю я с недоверием.

– Ты – мой друг. У тебя сейчас небольшая жопа, и ты накручиваешь себя ещё больше. При этом ты боишься попросить о помощи, потому что не хочешь показаться слабой. И это нормально. Уверен, скоро ты снова будешь летать бизнес классом и всё у тебя будет чики-пуки. К тому же мне ничего не стоит помочь тебе.

– Мне бы твою уверенность, – мямлю я, продолжая пребывать в роли жертвы.

– Ну, это всего лишь черная полоса в жизни. Впрочем, не такая уж и черная, ведь никто не умер. Просто жизнь бросает тебе вызов. Вот и всё. Когда одна дверь закрывается, всегда открывается другая. Немного упорства и дисциплины, и ты вернешься в седло быстрее, чем ты думаешь.

– Если я перееду к тебе, – говорю я, начиная думать, что Ричард все-таки прав насчет экономии средств, – куда ты будешь приводить своих девчонок?

– Не волнуйся, что-нибудь придумаю, – говорит он, быстро набирая еще одно сообщение на телефоне. – Кстати, мне кажется, я знаю, кому ты можешь сдать в субаренду свою квартиру. У меня тут есть одна знакомая, ей изменил парень и она хочет срочно от него съехать, она позвонит тебе завтра. Начинать собирать вещи, – говорит он, торопливо целуя меня на прощанье в обе щеки, – мне пора возвращаться допекать блины.

Без лишних церемоний мой будущий сосед по квартире поспешно исчезает в чистом ночном, пахнущем приключениями, воздухе.

А эксклюзивная вечеринка в Кенсингтонском дворце только началась... Это совсем в другой стороне от Брик Лейн, а я там в списке гостей, и все будут в масках... как в фильме «С широко закрытыми глазами». Никто не заметит, какая я неудачница...

Глава пятая. Брик Лейн

Резкий звонок мобильного проникает все глубже в мой спящий мозг.

– Добрый день, Ричард дал мне твой номер телефона, – говорит милый женский голос с французским акцентом. – Он сказал, что ты срочно сдаешь квартиру.

– Ну видимо сдаю, – отвечаю я как можно бодрее, понимая, что моя жизнь уже круто изменилась и необходимо вписаться в этот поворот, – квартира находится в самом центре Челси.

– Супер. Я правильно понимаю, что просто могу перенять твой договор аренды и не тратить время на все эти проверки моего благосостояния с рекомендациями.

– Всё верно.

– Я могу заехать вечером посмотреть квартиру?

– Конечно, – дружелюбно говорю я, медленно подымаясь с кровати.

Договорившись о встрече, я тащу свое ноющее тело в ванну и погружаюсь в пену с тонким ароматом от Булгари. Она нежно касается моего лица, моих рук и бедер.

Вскоре маленькие пузырьки оказываются над моим лицом, волосы игриво развиваются в теплой безмятежной воде, и мне совсем не хочется из неё выныривать.

Моя рука скользит вниз по телу и оказываются между ног. Я проталкиваю пальцы глубже... там внутри что-то мерзкое, гадкое... как грязь. Бордовая жижа медленно распространяется по мыльной воде, и я резко вскакиваю, чтобы не испачкаться.

С отвращением, я смываю с себя кровь и выхожу из ванны, неуклюже вытираясь полотенцем.

Чашка кофе, как обычно, придает мне энергии. Её должно хватить, чтобы убрать в квартире к приходу новой хозяйки.

Ровно в шесть, как и договаривались, невысокая темноволосая девушка из провинции Тулузы, звонит в дверь. Осмотрев мою скромную обитель и одобрительно кивнув, она решает излить мне душу. После второго бокала вина её прорывает рассказать мне в деталях всю историю не сложившихся отношений. Она так быстро говорит, что я периодически выключаюсь, продолжая понимающе кивать на автомате.

В конце концов, она дает мне задаток в тысячу фунтов, сообщая, что въезжает завтра – и это значит, мне нужно успеть за день собрать все мои вещи!

Как только француженка уходит, я как ошпаренная начинаю распахивать свое дизайнерское барахло: деловые рубашки и заказные костюмы по коробкам и чемоданам.

Ричард явно обалдеет от такого количества шмотья, но он всего лишь говорит: «Придется заставить антресоли».

Он помогает снести вниз мой бесчисленный багаж и со знанием дела заталкивает все в обычное такси.

Придерживая весь этот хлам, чтобы он не упал мне на голову, я каким-то образом всовываюсь на заднее сидение. Через небольшую щелочку в окне я с ностальгией рассматриваю такие знакомые, но уже недостижимые места: рестораны, в которые ходила на свидания; Вестминстерское аббатство, которое проезжала на велосипеде каждый день в 6.15 утра по дороге на работу; бортики у Темзы, где меня тошнило...

Чем ближе мы подъезжаем к Брик Лейн, тем меньше у меня воспоминаний. Здесь вообще всё по-другому. Улицы тут узкие и грязные, а переулки сырые и мрачные; здания – серые и уродливые.

У одного из них мы останавливаемся. Ричард выпрыгивает из машины и энергично начинает вытаскивать мои вещи, при этом махая какому-то дряблему индусу, сидящему на мусорнике на другой стороне дороги. Тот приветливо машет в ответ.

– Это – Катя, – кричит Ричард, – она теперь будет жить со мной.

Минутой позже индус подходит к нам с тремя такими же. От них дико разит карри и застаревшим потом. Индусы приветливо улыбаются и в два счета поднимают весь мой багаж на второй этаж по нереально узкой лестнице.

Собрав остатки гламура, я с достоинством следую за ними в сорокаметровую однушку, заваленную моими вещами.

– Добро пожаловать на Брик Лейн, – говорит на еле понятном английском один из чужестранцев, с радостью вручая мне грязный кулечек с финиками.

Я вежливо принимаю этот микробный знак гостеприимства, пытаюсь держать его как можно дальше от себя.

– Приходи в наш супермаркет Бангла Сити, – говорит он. – Там цены хорошие. Ты очень красивая, – он игриво подмигивает.

– Я постараюсь, – вежливо отвечаю я.

Как только они уходят, я первым же делом направляюсь мыть руки в ванную, пытаюсь не наступить на матрас Ричарда в крохотной кухне, чувствуя себя Гулливером в стране лилипутов.

Ричард же бодро распахивает мои вещи на шкафы и полки везде по квартире, волшебным образом освобождая кучу пространства. Невероятно!

– Видишь, тут слишком много места для меня одного, – говорит Ричард, – мне всего-то нужны дюжина футболок и джинсов, да парочка костюмов.

– Ну да, на прошлый Хэллоуин тебе даже это не нужно было. Ты там в костюме стриптизера в одних трусах произвел фурор, – ухмыляюсь я.

– Мой приз того стоил... эта невероятная грузиночка, – загадочно улыбается он. – Так какие у тебя планы на вечер?

– Без понятия, – мямлю я, не представляя, как мне вообще жить дальше.

– Пойдем со мной в качалку, – предлагает Ричард.

– В тот самый клаустрофобный, душный спортзал рядом с хипстерской галереей на Ливерпуль стрит? – спрашиваю я.

– Кстати, прикольная галерея, ты же сама там на открытии подцепила какого-то немца, который тебя потом на свидание звал?

– Да он же всего лишь стажер в Дойче банке, – раздраженно фыркаю я.

– А что в этом такого? Мужик как мужик, – удивляется он.

– Это пока он свеженький после универа, может быть, ещё и мужик. А вот посидит полгодика в офисе до полуночи, составляя таблицы, с жестким выговором и угрозой увольнения за каждую погрешность, посмотрим, что от него останется. При этом квартиру он явно снимает с другом и копит каждый фунт, чтобы потом однажды, когда начальник разрешит, поехать отрываться в отпуск. Снимет красное Ферарри и посадит туда жгучую блондинку с одной целью, чтобы те, кто дразнил и обижал его в школе, наконец-то поняли, что он чего-то в жизни добился, – описываю я типичный аватар лондонского банкира.

– А мне нравятся стажерки, – довольно улыбается Ричард. Та хорватка, с которой ты меня познакомила, была довольно мила.

– И долго она продержалась после посещения этой квартиры?

– Ладно, ладно, – Ричард с многозначительной улыбкой заминает тему. – В любом случае в этой качалке полно чуваков. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – подмигивает он мне, – ну что, пойдешь?

– Хорошо, – снисходительно соглашаюсь я. – Хотя вряд ли я там встречу кого-нибудь достойного.

– В худшем случае, ты просто покачаешь ягодички, – аргументирует Ричард, собирая с собой рюкзак.

Мы бежим разминочной трусцой через узкие улочки и слабо освещенные трущобы.

В тесном, душном подвале Ричард, верный своей цели накачать мне зад, вручает мне здоровенную штангу и заставляет с ней приседать. При этом он считает до десяти на французском, чтобы я одновременно учила язык, как будто мне вообще до этого:

– Ну, давай же! Еще три... huit... neuf... dix... Bien fait⁸! – считает он, снимая с меня штангу, при этом каким-то образом замечая, плящущегося на меня мулата с гантелями для бицухи.

– Смотри, вон чувак на тебя смотрит, – указывает мне на него Ричард. Пойди, поздоровайся.

– Нет, не могу, – испуганно говорю я, отходя в сторону.

– Почему?

В нерешительности я застываю на мгновение.

– Не знаю, все эти книги и статьи о том, как надо знакомиться, говорят, что парень должен подойти первым.

– Ой, да ладно. C'est pas vrai⁹, – спорит Ричард, – некоторым мужчинам нужно конкретно намекнуть. Этому – так точно. Просто подойди и спроси его, что он делает.

– Это и так понятно – он качает битсуху.

– Это понятно, но тебе же типа не нужно, чтобы у вас завязался разговор. Он с удовольствием расскажет тебе о гантелях, – улыбается Ричард, выталкивая меня в середину зала.

– Ну, я не знаю... – шепчу я, отказываясь идти.

– Просто подойди и спроси его, – шепчет мне в ответ Ричард.

– Я так не могу, – говорю я, встречаясь взглядом со смеющимся над нами, накаченным мулатом. Я тут же отступаю назад, больно ударившись о снаряд.

– Ну ладно, ладно, – соглашается Ричард, – давай еще один подход. – Больше выпячивай попу назад, – командует он, – упирайся пятками.

– Huit... neuf... dix... – я с облегчением сбрасываю штангу, надеясь, что мы уже скоро пойдем домой.

– Ты сильнее, чем ты думаешь, – констатирует Ричард, добавляя ещё по двадцать килограмм на каждую сторону, и начинает приседать сам.

Дожав последний рывок, он громко выдыхает и быстро вытирает пот со штанги маленьким полотенчиком из своего рюкзака. Сделав ещё по два подхода, кардио и растяжку, мы наконец-то уходим из зала.

Домой мы бодро шагаем под надоедливой холодной моросью. Грязные капли покрывают мою кожу словно мульча. Чертов chirimiri. Все, что я хочу, это горячий душ...

В крохотной квартирке на Брик Лейн он почти такой же, как был у меня в детстве – белый резиновый шланг. Шампунь Булгари тут явно не в тему, но хоть как-то напоминает мне о лучших днях моей жизни.

Выйдя из душа, укутанная в банный халат, я лицезрею Ричарда за приготовлением салата для восстановления мышц – куча консервированного тунца и вареных яиц, плюс пакетный салат.

– Вот держи! – Ричард подает мне миску салата и садится за стол смотреть видео о скульптурах на своем компьютере. Он периодически останавливает видео, чтобы получше разглядеть какие-то нюансы и сравнить со скульптурами своего отца.

Жуя свой скудный ужин, совсем не похожий на то, что я так недавно ела в лучших ресторанах, я тихонечко заползаю на свою новую кровать и начинаю искать работу.

---

⁸ ...восемь, девять, десять... Молодец! (фр.) – примеч. ред.

⁹ Это не правда (фр.) – примеч. ред.

Пока загружается моё резюме на очередную вакансию, я наблюдаю в маленькое обшарпанное окошко, как ужинает пожилая пара, живущая в старом викторианском доме, напротив.

Тут видео о скульптурах заканчивается, и Ричард подвигается ближе к компьютеру, быстро копируя и многократно вставляя какой-то текст.

– Пытаешься заработать дополнительные деньги онлайн? – спрашиваю я, ерзяя на железных пружинах матраса.

– Ха! Нет, просто отвечаю тёлкам с сайта, которые ищут, где в Лондоне пожить.

– Ты ищешь ещё кого-то в эту квартиру? – я настороженно отрываюсь от своего экрана.

– Да нет. Так просто легче знакомиться и менее напряжно с ними потом общаться, – объясняет он.

– Это как?

– Ну, обычно, француженки приезжают в Лондон искать лучшей доли, но никого тут не знают. А я как раз тот самый человек, который говорит с ними на одном языке и может им показать и рассказать, как в этом городе всё устроено, кому они могут доверять, и кто может направить их в нужное русло. А если девчонка симпатичная... как знать, что может случиться? – лукаво улыбается он.

– Хм, интересно. Одинокая девушка в чужом городе по ходу не самая тяжелая добыча. – цинично комментирую я. – А что ты там копируешь?

– Переписку. У меня тут заранее заготовлены все ответы. Не поверишь, у них всегда одни и те же вопросы, а соответственно, и ответы тоже одинаковые, – говорит Ричард, копируя очередное сообщение.

А ведь Алекс так делал – на каждый мой вопрос о повышении зарплаты или отпуске вместе, у него были заготовлены ответы. Он так же, как и Ричард использует иллюзии наивных девочек... ожидания, не имеющие ничего общего с реальностью.

Лимон в салате вдруг становится слишком горьким. В окне напротив пожилая женщина заботливо накидывает покрывало на плечи своего мужа. И, не понимаю почему, но меня вдруг захлестывает волной эмоций.

– Не волнуйся, я никого сюда не приведу. Это по большей части для секса, – говорит Ричард, замечая моё расстройство.

– То есть это скорей для количества? – спрашиваю я, инстинктивно складывая руки на груди.

– Побойся Бога, душенька. Бездушное траханье не для меня, – целомудренно говорит мой друг-лавелас, – Я просто хочу помочь им тут освоиться, начать с чего-то.

– Ты такой альтруист, – с сарказмом замечаю я.

– Послушай, для меня общение – это обмен энергией, опытом, знаниями и совсем не корысти ради. Есть люди, которым нужны только деньги, секс или продвижение по карьерной лестнице, но я не хочу быть одним из них, – пристальный взгляд Ричарда заставляет меня нервничать, – пойми меня правильно, мне нравятся красивые женщины, ужины в хороших ресторанах, быстрые машины и дорогие часы. Но я не считаю, что все эти вещи сами по себе могут принести счастье.

– Мои родители до сих пор были бы вместе, если бы не потеряли все свои сбережения в начале девяностых, когда развалился Советский Союз, – возражаю я.

– Как сказать... деньги, конечно, делают жизнь легче и позволяют купить много чего приятного, но свет не сошелся клином на них одних! Они не добавят смысла или важности твоей жизни. А для меня сейчас важно помочь подруге, которой нужна помощь, – он ласково смотрит на меня, и я чувствую, как какое-то непонятное тепло разливается по моему телу. – Когда я был маленьким, папа как-то сказал мне, что один человек может быть лучше другого только потому, что тот более щедрый.

– Твой папа был очень мудрым человеком.

– Ну да... хотел бы я быть хоть немного таким как он. Какая-то часть меня всегда хотела вернуться в его дом во Франции, пойти по его стопам, стать скульптором...

– Так что тебе мешает? – задаю я простой вопрос и вижу, какую боль он причиняет Ричарду.

– Мой отец умер в возрасте тридцати трех лет – он был на пять лет моложе меня сегодняшнего, – с грустью подмечает Ричард, – отец был намного лучше меня. Его очень ценили как скульптора. Он всё сделал правильно: рано начал преподавать, что позволило ему иметь регулярный заработок. Его работы были отражением того времени – бронзовые фигуры в стеклянных шарах. Я до сих пор понятия не имею, что он хотел этим сказать! – говорит он с чувством.

– Может тебе стоит как-то по-другому на них посмотреть? Поставить себя на его место? Попробовать думать и вести себя как он... стать им? – я пытаюсь дать какой-то дельный совет.

– Он был настоящим мачо, ему нравились большие мотоциклы, он носил длинные волосы и клеш. Был куда умнее меня, много работал, но и пил много. Странно сознавать, что твой отец навсегда останется моложе тебя. В каком-то смысле я его почти не знал... во многих смыслах. А когда его не стало – ничего не осталось, – говорит Ричард так удрученно, что мне захотелось его обнять и приободрить, но я лишь говорю «мне жаль».

– Я уже привык к тому, что его нет, – произносит он, делая глубокий вдох.

– А твоя мама? – спрашиваю я.

– Внешне она была очень женственной и кокетливой. Ей пришлось оставить родительский дом на севере Англии и переехать к отцу во Францию. В то время женщины, выйдя замуж, зачастую становились домохозяйками, во всяком случае, в западной Европе. Она всегда говорила, что из-за нас – «мальчиков», она так и не стала художницей. Однажды, во время очередной ссоры с папой, мама проткнула ножом раковину. Отец тогда уехал на своем мотоцикле... и не вернулся, – Ричард вздыхает, глядя в сторону. – Мне, правда, его не хватает. Эта авария изменила всю мою жизнь – она какая-то неполноценная без него. Это ужасно, – с болью в голосе говорит Ричард.

– Ты отлично справляешься – у тебя квартира в Лондоне, чудесная работа и куча телок, – подбадриваю я.

– Я иногда ненавижу отца за то, что он умер... и мою мать за то, что она не умерла.

– Не говори так, – произношу тихо я, шокированная его словами. – Ты же сам говорил, что жизнь продолжается и черная полоса заканчивается.

– Ну да, у меня есть более насущные заботы – типа, затащить всех этих баб в кровать... шучу, – он наигранно улыбается, поворачиваясь к своему компьютеру.

– Я прислал тебе Excel таблицу, которую сам использовал, когда искал работу – там удобно контролировать, куда и когда ты посылаешь свое резюме, с кем общалась и когда надо перезвонить. Очень полезная штука, особенно, когда ты будешь общаться с десятками рекрутеров в день.

– Ты выводишь процесс поиска работы на качественно более высокий уровень, – делаю я комплимент Ричарду.

– Если уж делать что-то, то делать это основательно, – говорит он, закрывая свой лэптоп. – Всё, десять вечера – у меня отбой. Завтра я собираюсь пробежаться до своего офиса. Присоединяйся, – предлагает он, направляясь на кухню к своему матрасу. – Это всего лишь два километра в одну сторону. Значит, четыре для тебя туда и обратно – зарядит тебя энергией на весь день.

– Ладно, – соглашаюсь я, понимая, что лучше соблюдать распорядок дня Ричарда, а то никогда не выплыву.

– Отлично. Я просыпаюсь в шесть. Не сиди допоздна, – он закрывает маленькую дверь в маленькую кухоньку, оставляя меня наедине с металлическими пружинами матраса, резюме и пожилой парой, смотрящей телевизор.

Утром Ричард готовит овсянку и зеленый чай, после чего мы бежим в его офис через Тауэр-бридж.

Влажный теплый воздух нежно гладит мою кожу, а чистое небо и розовый рассвет завораживают. Мягкий ветерок ласкает мне лицо, пока мы бежим вдоль Темзы, и я пытаюсь обогнать Ричарда.

– Катя, куда ты несешься, у нас тут пробежка, а не гонка, – кричит он мне.

– Сорри, – я охотно сбрасываю темп, пытаюсь восстановить дыхание.

– Это не значит, что теперь ты должна ползти как черепаха, – смеется он, обгоняя меня.

Мы добегаем до его офиса и, пожелав друг другу плодотворного дня, прощаемся до вечера.

Домой я возвращаюсь вразвалочку, наслаждаясь видами Лондона перед тем, как с головой погрузиться в поиск работы.

Уже к вечеру Excel таблица обзавелась кучей разноцветных записей, а через пару недель разрослась до неузнаваемости.

По вечерам мы ходим в тренажерный зал, а потом едим белковый салат. Покупать еду в Бангла Сити оказалось не так уж и страшно, и не так уж там и воняет.

По выходным мы с Ричардом ходим в кино, куда он раньше таскал своих француженок и вместе смотрим видео о скульптурах... как та пара в окне через дорогу.

Как ни странно, я стала хорошо спать. Каждую ночь. Без снотворного. Даже на паршивом матрасе.

И вместе с тем я совершенно выпала из светской жизни Лондона. Скачки, регаты, закрытые вечеринки, частные ночные клубы... дизайнерские аксессуары, высокие каблуки и все мои сексапильные платья томятся скомканными в чемодане на антресоли.

Но скоро я их оттуда вытащу.

Глава шестая. За что боролись, на то и напоролись

– Доброе утро, могу я поговорить с мисс Кузнецовой? – в телефонной трубке раздается уверенный женский голос с итальянским акцентом.

– Да, чем могу помочь? – отвечаю я, возвращаясь с утренней пробежки.

– Меня зовут Кара, я рекрутер. Мой клиент – крупный европейский банк – ищет специалиста по продажам финансовых продуктов российским клиентам. Вы же этим занимаетесь в Леман Бразерс?

– Ну, я работаю с разными клиентами и российскими в том числе, – отвечаю я деловым голосом, скрывая свое волнение.

– Отлично. Это срочная вакансия. Вы бы могли завтра встретиться с их главой отдела продаж?

– Да, думаю, что смогу, – говорю я, сдерживая порыв радости.

– Хорошо. Я скоро вышлю вам детали, – говорит Кара, удлиняя гласные как большинство итальянцев.

– Fantastico, – отвечаю я с той же интонацией.

– Вы говорите по-итальянски?

– Sì, ho fatto il mio master in Milano¹⁰, – я констатирую очевидный факт, для любого, кто прочитал мое резюме. Тем не менее, мне нравится с ней общаться, и у нас, похоже, даже есть парочка общих знакомых.

– Magnifico! Senti¹¹, судя по твоему резюме, ты идеально подходишь на эту роль. Давай-ка я постараюсь организовать вам ланч с Бруно, – говорит она.

– Это было бы замечательно! – восклицаю я.

– Bene, сделаю все, что смогу.

– Grazie, Кара, – говорю я вся на подъеме. Пообедать с потенциальным работодателем – это уже серьезная заявка на успех. На кого попало он не будет тратить время.

Всего полчаса спустя моя новая подруга присылает сообщение, подтверждающее завтрашний ланч с начальником отдела продаж Бруно Фюсси в модном ресторане «Четыре сезона».

Это значит, что сегодня мне придется пропустить тренировку в зале. К встрече с такими серьезными дядечками лучше быть хорошо готовой. Нужно узнать, как можно больше информации лично о нем, о банке, конечно, быть технически подкованной на случай вопросов из области финансовой инженерии и деривативов.

Но мужчине лет сорока с лишним, с хитрыми голубыми глазами, в дорогом костюме, похоже, все это совсем не интересно.

Бруно – высокий, лысый, спортивного телосложения, с гладко выбритым лицом, он нескрываяемо горд быть тем, кто он есть. С сильным немецко-швейцарским акцентом он вальяжно заказывает бутылку шардоне, чтобы дополнить наше рыбное блюдо дня.

– Сколько денег вы заработали для банка в этом году? – простодушно спрашивает он, пристально глядя на меня.

– Около двенадцати миллионов долларов, – не моргая отвечаю я, называя ему достаточно хорошую сумму, чтобы было интересно продолжать разговор.

Бруно собирается задать следующий вопрос, но, к счастью, в этот момент приносят нашу еду.

---

¹⁰ Да, я училась в Милане (итал.) – примеч. ред.

¹¹ Отлично! Слушай (итал.) – примеч. ред.

– En Guete¹², – я намеренно произношу типичное швейцарско-немецкое пожелание приятного аппетита.

– Вы были в Швейцарии?

– Я училась в Милане, там недалеко.

– Я родом из тех краев, – говорит он с интонацией кота Матроскина, откидываясь на спинку мягкого белого стула.

– Вы говорите по-итальянски?

– Немного. Но давайте продолжим по-английски, – говорит он деловито. – Так значит, вы много работаете с Россией?

– Достаточно, – говорю я, соответствуя его стилю и ритму общения, чувствуя, как моя шелковая блузка липнет к потной спине.

– Ваш банк кредитует большие местные корпорации? – задает он самый скользкий вопрос, когда дело касается России.

– Ну, когда как, – лавирую я.

– То есть? – спрашивает он, методично разрезая свою рыбу.

– Ну, если кредитование – составляющее большой структурной сделки.

– Наверняка, это более выгодно.

– Конечно. Обычный долларовый кредит стоит 3–5 %, а если он встроен в структуру, то легко может стоить 50 % и больше.

– У русских банков и корпораций есть возможность оценить реальную стоимость структурного продукта?

– Не у всех... и то очень теоретически.

– Интересно, – задумчиво говорит мой потенциальный начальник. – Насколько сложно оценить риски, связанные с благонадежностью российских компаний? – спрашивает он серьезно.

– Это вопрос, скорее, к рискерам. Они обычно проводят длительный и тщательный анализ.

– А как насчет репутации отдельно взятых собственников?

– Ну, большинство, конечно, начинали с того, что банкротили заводы или другие постсоветские активы с последующей перепродажей на залоговых аукционах.

– И кто же мог позволить себе приобрести обесцененные заводы? – спрашивает Бруно, тщательно пережевывая еду.

– Те, кто мог получить ссуду из банковской системы распавшегося Советского Союза, ну или банка-однодневки... и при этом выжить.

– Что это за банки?

– В начале девяностых государственные расходы проверялись вручную раз в квартал, все банки были все ещё государственными и компьютеров тогда не было.

– То есть любому подотчетному банку достаточно было выдать поддельное платежное предписание и обналичить его, – быстро догадывается он.

– Именно так, – говорю я, пораженная тем, как быстро швейцарец смог понять эту схему, хотя возможно, что современные специализированные структуры используют тот же механизм, – Как говорил Ленин, «самые большие капиталы создаются, когда империи разваливаются или создаются».

– К сожалению, они не так часто разваливаются, – цинично замечает он, бросая взгляд на дорогие швейцарские часы на своей ухоженной волосатой руке. – Так какими продуктами вы чаще всего торгуете с вашими клиентами в России?

---

¹² Приятного аппетита (швейцарский нем.) – примеч. ред.

– Да все подряд: акции, облигации, форекс, нефть, металлы, товарное сырье, структурные ноты...

– Структурные ноты? – с энтузиазмом переспрашивает он. – Наша глава казначейства в Москве, Валерия Кирилова, очень дружит с управляющим одного крупного фонда в России. Они вроде ходили вместе в одну школу или что-то типа того. Там сейчас висит очень интересная сделка, но её нужно провести через наш внутренний контроль – получить разрешение юристов и рискеров.

– Ох, я на этих разрешениях собаку съела! – восклицаю я, понимая, что это мой шанс. – Если всё правильно подготовить, то это достаточно гладкий процесс. Конечно, десять и больше процентов накрупки на таких сделках – очень сильный аргумент.

– Похоже, вы действительно понимаете, как работает бизнес с Россией, – констатирует Бруно, – Наш отдел продаж в Москве очень нуждается в новом активном сотруднике, способном глобально мыслить, – он говорит, пристально смотря мне в глаза. – Мы предлагаем очень выгодный пакет и полную поддержку переезда в Москву.

– Переезд в Москву? – спрашиваю я в замешательстве.

– Вам не сказали, что эта вакансия в Москве? – спрашивает он.

– Хм... нет.

– Мы считаем, что работать с русскими клиентами лучше в России. Конечно, вы будете регулярно приезжать в Лондон, чтобы встречаться с трейдерами и рискерами, но жить надо будет в Москве. Вы также получите льготы в виде тринадцатипроцентного налога и корпоративную квартиру, – говорит он членораздельно.

– Это немного неожиданно, – я делаю глоток фруктового вина. – Впрочем, наверное, это имеет смысл, – добавляю я, чтобы удержать его интерес. В конце концов, такая работа на дороге не валяется.

– Мы собираемся встретиться с еще несколькими кандидатами на эту должность, но мне необходимо знать прямо сейчас, готовы ли вы переехать в Москву, – говорит он, впившись в меня взглядом.

– Думаю... да, – отвечаю я, слыша голос Алекса в своей голове: «Единственное, что имеет значение в конечном итоге, это сколько у тебя денег». А тут может ещё и получится удачно замуж выйти – в России мужики все-таки поговорчивее на этот счет.

– Хорошо, – говорит Бруно и просит счет, – Вам надо будет встретиться с моими коллегами и нашим зампредом. Это формальный процесс. Наш отдел кадров с вами свяжется, – он быстро платит и направляется к выходу, мимо дизайнерских ваз с длинными зелеными стеблями и столика с аппетитными десертами... тирамису, ммм, Ричард никогда бы этого не одобрил – слишком много сахара.

Как же мне хочется сладкого...

Лучше не надо. Сахар – это наркотик, разок сорвусь и подсяду. Растолстею. Зачем оно мне нужно, пойду я лучше в качалку, позанимаюсь.

Прямо у входа в метро приходит сообщение от Габи:

«Катя, ты куда пропала? Сегодня туса в Бромптон клубе. Столик, все дела. Приходи! Познакомишься с моим новым бойфрендом и его неженатыми друзьями;»).

Ну, в принципе, да. Чего это я? Совсем в монашку превратилась. Бруно я понравилась, на переезд согласилась. В Лондоне таких идеально подходящих еще пойди—найди. В конце концов, могу же я немного расслабиться...

Быстрым шагом я направляюсь в супермаркет, покупаю коробку самых вкусных шоколадных конфет и тайком от Ричарда всех их съедаю.

Придя домой, я вытаскиваю своё самое сногшибательное клубное платье и каблуки... и тут как раз ещё и подтверждение завтрашнего собеседования с зампредом.

Это знак!

Теперь надо как-то закинуть чемодан обратно на антресоль, но это уже к Ричарду. Он скоро должен вернуться с тренировки. У него сегодня свидание с какой-то очередной французской – приподнятое настроение, все дела. Можно спокойно идти в душ, а потом в клуб.

– Какой фильм будете смотреть? – спрашиваю я Ричарда, выходя из душа, предотвращая возможные вопросы о моих планах на вечер.

– Казино Рояль, – говорит он без энтузиазма.

– Хороший фильм, – так же равнодушно комментирую я, втирая благоухающее аргановое масло в волосы.

– Разве что для рецептов коктейлей для моей новой пассии, – говорит он, надевая свой обычный джемпер поверх белой футболки и джинсов.

– Грязный мартини. Не обязательно тратить пятнадцать фунтов на билеты, – подтруниваю я.

– Ну, там явно будет какая-нибудь роковая русская разведчица. Стереотип, но всё равно будоражит, – загадочно усмехается он.

– Правда? Что за стереотип? – спрашиваю я с любопытством.

– Ну, русские женщины красивые, соблазнительные, нереальные, но лучше держаться подальше, а то никогда не знаешь, на что нарвешься.

– Даже я? – спрашиваю я с детским недоумением. Мне почему-то хочется казаться маленькой, пушистой и безобидной, нуждающейся в защите и заботе.

– Особенно ты, – подмигивает Ричард. – Веди себя хорошо. У тебя завтра важное собеседование.

– Я постараюсь прийти не слишком рано, если вдруг решишь привести даму домой.

– Не беспокойся насчет этого. Приходи, когда захочешь. Я всегда могу пойти к ней, – говорит он, выходя из дома.

Когда Ричард уходит, я чувствую себя спокойнее – как будто мне больше не нужно удерживать на лице маску сильной и невозмутимой амазонки. Я плюхаюсь на свою кровать, чтобы просто немного потюлнить, но в этот же момент приходит сообщение от Габи: «Детка, ты в списке на наш столик. Будет так здорово снова увидится:-)».

«Уже еду!» – я отправляю сообщение и нехотя поднимаюсь с кровати, чтобы накраситься и одеться.

Примерно через час такси отвозит меня на Олд Бромптон Роуд, 92.

– Ciao, Франко! – приветствую я одетого с иголки швейцара.

– Ciao, Катя. *Bel vestito*¹³, – он восхищается моим обтягивающим черным платьем и без звука пропускает меня внутрь, вперед внушительной очереди из мерзнувших тусовщиков.

Маленький, темный коридор ведет в наполненный громкой музыкой и дорогим алкоголем подвал.

Я еле сдерживаю на лице счастливую улыбку в предвкушении гламурной вакханалии. Улыбка становится шире при виде моей дорогой светловолосой подруги за столиком, заставленным шампанским и водкой, в окружении группы высоких, бородатых мужчин.

– О, боже мой! – выкрикивает Габи, бросаясь мне навстречу. – Катя! Наконец-то! Ты выглядишь невероятно! Я же сто раз тебе говорила перестать трахаться с этим твоим Алексом, – восклицает она на весь клуб. Тем не менее, я так рада встрече с ней, что моментально прощаю подругу. – Ну, так как твои дела?

– Да так, ищу работу... На самом деле, я должна сейчас готовиться к завтрашнему собеседованию.

---

¹³ Красивое платье (итал.) – примеч. ред.

– Ой, да ладно, тебе нужно немного развеяться! – говорит Габи с её характерным американским произношением, но даже десятилетие, проведенное в Америке не может скрыть в ней болгарку.

– Сначала мне нужно найти работу, – продолжаю я бубнить.

– Ты можешь устроиться ко мне в брокерскую контору! Я поговорю с моим боссом, – предлагает подруга с энтузиазмом.

– Это было бы здорово. А он сможет организовать мне продление визы?

– О боже, ты просто обязана увидеть мою новую сумочку от Шанель, которую мне подарил Омар! – перебивает меня Габи, хватая с дивана классический, кораллового цвета клатч. – Идем, я вас познакомлю. Я встретила его на той вечеринке в Кенсингтонском дворце. Мы тусили до шести утра, он снял ради меня свою маску, представляешь. Жаль, что тебя там не было, – она хватается мою руку и ведет к группе темноволосях мужчин надменного вида, от которых жестко несет средне-восточными благовониями.

– Омар, это моя подруга Катя, – Габи представляет меня высокому черноволосому мужчине.

Неожиданно музыка меняется, и начинает звучать какая-то арабская мелодия. Половина присутствующих в клубе, включая друзей Омара, воодушевленно подпевает. Омар хватается Габи за шею, притягивает её к себе, и они начинают страстно сосаться. Черная борода Омара и платиновые волосы Габи переплетаются в каком-то потном месиве, заставляя меня искать зрелища более эстетичные.

Тут же рядом я нахожу высокого, хорошо сложенного араба со зловещими бровями и вездесущими густыми волосами, торчащими даже из-под его белой рубашки.

– О чем эта песня? – задаю я первый, пришедший в мою голову, вопрос.

– Тут поется: «кто ты такая, чтобы так себя вести», – безразлично бормочет он, глядя в сторону. Я тоже отворачиваюсь. Через несколько секунд он вдруг спрашивает меня с таким же сильным акцентом как у Ахмада:

– Откуда ты?

– Из Украины. Я инвестиционный банкир, – тут же добавляю я, чтобы он не принял меня за одну из многочисленных соотечественниц, славящихся далеко не умственными способностями. – А ты чем занимаешься в Лондоне? – спрашиваю я, стараясь перекричать музыку.

– Этим, – говорит он, разводя руки в стороны, и щелкает пальцами, чтобы позвать официантку. – За Рамадан, – он наливает водку в свой стакан и медленно её пьет. Вот урод. Какого черта – вообще. Я тут уже двадцать минут стою, и он мне даже выпить не предложил.

Забив на араба, я, медленно, виляя бедрами, направляюсь к бару, где ко мне тут же прилипает какой-то стрёмный америкос в ковбойской шляпе и предлагает выпить.

– Что бы ты хотела? – гнусаво картавит он.

– Шампанское, – самодовольно улыбаюсь я.

– Ты русская, ты должна пить водку, – не очень связно настаивает он.

– Хм... ок... тогда водку с тоником, – я наигранно улыбаюсь, делая вид, что мне интересен его бред о Техасе.

В какой-то момент к нам подходит Габи и спасательным жестом разворачивает меня к себе.

– Я надеюсь, вы не против, если я украду у вас эту очаровательную леди, – говорит она шаловливо.

– Вот это да! – американец перекрикивает музыку. – Я бы прокатился на таком родео, й-хо-хо! Вы, русские тёлки, просто отпад... Давайте бухать!

– Мы скоро, – Габи, улыбаясь, берет меня за руку и быстро уводит в туалет.

– Вы не можете заходить в кабинку вместе, – преграждает нам путь темнокожая уборщица, но Габи кладет ей в руку пять фунтов, и мы спокойно уединяемся.

Подруга выуживает из своей новой дорогушей сумочки маленькое зеркальце и высыпает на него белый порошок.

Немного потупив, я потихоньку скручиваю двадцатифунтовую банкноту – не гоже отказываться от первоклассной кубинской дури!

Острые снежинки жгут мне ноздри, замораживают мои десны, мою душу... сидя на унитаже, прислонившись к стене, улетаю прочь, я закрываю глаза и уже почти не слушаю рассказы Габи.

– ...эти его друзья – из очень богатых катарских династий. Тебе обязательно нужно с кем-то из них замутить. Будем дружить семьями, – её голос весело гремит в моём усталом сознании. – Пойдем, потанцуем как мы умеем? – неоднозначно подмигивает она, выходя из уборной.

Грациозной походкой от бедра мы проталкиваемся к нашему столику, возле которого и начинаем реализацию нашего, всегда работающего, плана.

Сначала мы похотливо трем друг об дружку, а потом Габи берет со стола кусочек лимона и чувственно придерживает зубами. Залив в себя стопку водки, я высасываю его из её губ. Постепенно все это переходит в страстный поцелуй под свист и одобрительные восклицания вокруг нас.

Мы продолжаем провокационно двигаться и целоваться, притворяясь, будто никого не замечаем. Габи бесстыдно нюхает кокс прямо из маленького пластикового пакета, макает в него палец и дает мне его облизать, при этом напоказ лаская мою грудь...

В следующую секунду Омар грубо хватает Габи за руку и резко оттягивает её от меня, и подруга едва не валится со своих высоченных шпилек.

– Какого черта? Ты что совсем охренел? – орет она на него.

– Ты позоришь меня перед моими друзьями, – отчитывает он.

– Я всегда так себя веду. Мы так и познакомились!

– Ты ведешь себя как проститутка, – он дает ей тяжелую пощечину у всех на виду.

Габи делает шаг назад, прикрывая щеку, с ненавистью глядя на Омара.

– Катя, пойдем отсюда, – она хватает свою сумочку и пулей вылетает на улицу.

На улице мы тут же впрыгиваем в черный, похожий на катафалк, кэб, выгрузивший очередных посетителей клуба. Развалившись на сиденье, Габи, рыдая, вынюхивает остатки содержимого пластикового пакетика.

– Вот мудило! – скулит она. – Ненавижу. Это ему обойдется как минимум в ещё одну сумочку. – Девушка всхлипывает, бросая уже имеющуюся на пол.

Мы приезжаем на афтер пати в клуб Мейфер. Тут конечно тусуются не сливки общества, хотя в принципе можно подцепить кого-то нормального. Но как только подходим к парадному входу, Габи умудряется поскользнуться и упасть со своих двенадцатисантиметровых каблов прямо в лужу у входа, делая из себя посмешище на глазах у кучи зевак.

Матерясь и рыдая, она цепляется за мою руку, пытаюсь встать. Отодрав её от пола, я затаскиваю возмущающуюся подругу в такси.

– Ложись спать и позвони мне завтра, – говорю я Габи, высаживая её на пороге дома. – Утро вечера мудренее.

– Я его никогда не прошу! – рыдает она, со злостью вытирая размазанную тушь, – Ненавижу! – она икает и, пошатываясь, направляется к двери своего сверкающего парадного, пока таксист разворачивается на Брик Лейн.

В квартирке Ричарда темно и тихо, и слышно только его храп. Не включая свет, чтобы не разбудить его, я аккуратно крадусь...

В кромешной тьме наталкиваюсь на стул возле двери. Неожиданно я теряю равновесие и с грохотом лечу со своих каблучков, врезаясь в, рядом стоящий чемодан, так и не поставленный на антресоль.

Сонный Ричард включает свет.

– Катя, ты в порядке? – спрашивает он, наклоняясь ко мне, сидящей на полу и корчащейся от боли в левой лодыжке.

– Больно, – всхлипываю я, не в силах сдержать слезы или хотя бы принять более элегантную позу.

– Дай посмотрю, – он нежно прикасается к моей ноге. У него такие заботливые руки, каждое его прикосновение волшебным образом снимает боль, заменяя ее теплом... растапливая остатки снежка, кружившегося во мне последние пару часов.

Моя короткая юбка по ходу задрана до небес. И пока Ричард осматривает лодыжку, я отодвигаю правую ногу, таким образом, чтобы он увидел мои красные шелковые трусики.

Постепенно, преодолевая боль в ноге, я наклоняюсь ближе к своему целителю... закрываю глаза и чувствую близость его тела, его стальные мускулы, его заботу. Он так добр ко мне... Я должна его отблагодарить. Просто так никто ничего не делает.

Я целую его...

... он резко отстраняется от меня, поднимается и уходит.

Через минуту Ричард возвращается с мешочком льда.

– Скорее всего, у тебя небольшое растяжение. Скоро пройдет. Постарайся отдохнуть. У тебя завтра важный день, – говорит он, закрывая дверь на кухню.

Измученная и отверженная, я медленно ковыляю к своей кровати. Моя нога немеет и такое ощущение будто кто-то вставил туда острый штатив.

Металлические пружины матраса вонзаются в мое тело, но это ничего по сравнению со стыдом, сжигающим меня. От отчаяния я рыдаю в подушку, тихонько, чтобы не разбудить Ричарда снова.

Никому я здесь не нужна. Мне очень нужна эта работа, чтобы свалить отсюда побыстрее... Я должна их убедить. В Москве начну все сначала.

Даже если я как-то и угожу ему, он все-таки будет тосковать, что я совсем не та, как прежде; а старое всегда лучше кажется!

В семь утра меня будит Ричард. Я быстро поднимаюсь, заправляю свою кровать и сажусь на край со скрещенными руками и ногами, ожидая услышать наихудшее.

– Как нога? – спрашивает он, готовя кашу, как ни в чем не бывало.

– Норм, – отвечаю я, и, прихрамывая, иду в ванную.

– Я дам тебе бандаж на голеностоп. С ним тебе будет легче ходить, – Ричард говорит как всегда непринужденно. Он просто хочет убедиться, что я могу нормально передвигаться, и ему не будет стыдно меня выгнать из своей квартиры.

– Мерси, – киваю я под тяжестью не проговоренного нашего ночного инцидента.

Он внимательно смотрит на меня несколько секунд и говорит:

– Послушай, насчет прошлой ночи. Дело не в том, что ты мне не нравишься. Как раз наоборот... – рассуждает он. – Но ты была пьяная и не в себе; это было бы просто неправильно. Понимаешь?

Я виновато киваю, проглатывая горький комок из вчерашней водки и наркоты.

– Так, когда ты хочешь, чтобы я убралась отсюда? – жестко спрашиваю я, пытаюсь казаться непобедимой амазонкой.

– Да не хочу я, чтобы ты убиралась! – негодует француз. – Этот небольшой казус ровным счетом ничего не меняет. Мы друзья. Ты можешь оставаться столько, сколько нужно.

– Угу, – тихо говорю я, уверенная, что наша дружба никогда не будет прежней.

– Я знаю, я ещё такой красавчик. Против не устоять, – смеется он, накладывая бандаж на мою ногу. – Ты куда более красивая и интересная, когда трезвая, – заликает он, вызывая у меня улыбку.

– Как прошло твоё свидание? – спрашиваю я, распрямляя ногу.

– Она миленькая, может, даже слишком... я бы сказал, немного скучная, никакого огня, не то что некоторые... Кстати, Уго Чавес будет сегодня в Москве обсуждать строительство новых нефтебаз в Венесуэле.

– Ага, и что мне делать с этой информацией?

– Как что? Если они договорятся, российским инвесторам в проект нужны будут как минимум венесуэльские фьючерсы, и как максимум – гос. облигации, которые ты им с наценкой продашь, – радужно вещает Ричард, собираясь на работу.

– А, ну да. Это тема. Спасибо!

– В театре актеры желают друг другу «сломать ногу». Ты почти её сломала, так что все будет в порядке, – подмигивает он мне.

Как только Ричард уходит, я наливаю себе чашку крепкого кофе и глотаю несколько болеутоляющих таблеток, чтобы не отвлекаться на звенящую боль в голове и ноге.

После быстрого душа я надеваю деловое платье, туфли на плоской подошве и иду доказывать, что я больше всех достойна этой должности.

Собеседование проходит в большой переговорке с белыми стенами и высокими потолками – практически такой же, как в Леман Бразерс, из которой меня уволили. Две деловые блондинки с фальшивыми улыбками и лысеющий зампред по очереди жмут мне руку. Все это вызывает у меня ощущение дежавю и обильное потоотделение.

С умным видом и прямой спиной я, с уверенной улыбкой, повторяю зампреду практически всё то же самое, что уже рассказывала Бруно: «перспективные возможности предпринимательской деятельности, увеличение прибыли по структурированным облигациям, предполагаемая выручка в двадцать миллионов долларов».

Жадный оскал на лице зампреда говорит, что как минимум наживку он захватил.

Нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается.

Преодолевая усталость и усиливающуюся головную боль, я выжимаю из себя остатки сил, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица до последнего вопроса и рукопожатия.

– Мы свяжемся с вами, – наконец говорит одна из блондинок.

– Было приятно с вами познакомиться. Хорошего дня, – прощаюсь я и покидаю офис.

Первое же такси из длинной очереди машин перед зданием отвозит меня домой, где я плюхаюсь на свой жесткий матрас и почти тут же засыпаю. Сегодня я сделала все, что смогла...

Овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть...

Меня будит телефонный звонок:

– Сiao, Катя. Это Кара. Я только что говорила с Бруно. Он хотел, чтобы я передала тебе, что его коллеги остались под большим впечатлением от тебя и от твоего стратегического взгляда на текущие отношения между Россией и Венесуэлой. Они хотят предложить тебе эту должность, – радостно орет она в трубку.

– О, боже мой! – я пытаюсь кричать от счастья, но мой голос звучит тускло и хрипло.

– Мы сделали это! – восклицает она. – Ты получишь официальный контракт в течение нескольких дней. Они бы хотели, чтобы ты начала как можно скорее. Корпоративная квартира уже ждет тебя! – её голос звучит как колокольный звон в моей гудящей голове.

– Здорово, – выдавливаю я из себя.

– Ты, действительно, молодец.

– Grazie mille, без тебя ничего бы не вышло, – мы продолжаем обмениваться комплиментами, пока Кара, наконец, не вешает трубку.

«Меня взяли на работу!» – я тут же пишу сообщение Габи.

«Невероятно! Нам обязательно нужно отпраздновать!» – сразу же отвечает она.

«Давай», – соглашаюсь я.

Вечером мы встречаемся с моей болгарской авантюристкой в самом эксклюзивном месте Лондона – Бритиш Лакшери Клуб. После нескольких коктейлей и вынюханных дорожек, я обнаруживаю, что Габи сосетя с какой-то телкой, один в один – Пэрис Хилтон. Неожиданно меня кто-то толкает, и я падаю на прекрасно-сложенного, высокого мулата с голубыми глазами и кудрявой шевелюрой... и нечаянно ломаю его эксклюзивные солнечные очки от Александра Маккуина.

Оба нетрезвые, мы какое-то время обсуждаем его стекла, но в какой-то момент как-то само собой тоже начинаем сосаться. Несколько часов спустя я просыпаюсь рядом с экзотическим жеребцом в его отеле на Бонд Стрит, а уже на следующий день лечу на его виллу в Тринидад и Тобаго, где он якобы продюсирует музыку Дестинис Чайлд... или что-то в этом духе.

Ганжубас, секс и ром – моя диета до тех пор, пока до меня не доходит то, что завтра мне нужно быть в Москве.

Глава седьмая. Златоглавая

Дома на Леонтьевском переулке, где находится моя новая обитель, построены в сдержанном благородном стиле и, скорее, напоминают окрестности итальянской Виченцы, чем постсоветское пространство. Старинные усадьбы с изящной лепниной эпохи позднего ренессанса радуют глаз и намного превышают ожидания. Никаких захарканых лифтов и стрёмных подъездов – всё мило, чинно и по-европейски.

Еле проснувшись после десятичасового перелета и трех часов сна, я усилием воли и, руководствуясь посылом «надо», выбираюсь на новую работу. Широленные очки от Прада скрывают моё тяжелое похмелье и мешки под глазами, в то время как попутный ветерок развывая волосы, подталкивает меня к новому офису. Узкая юбка и высокие шпильки заставляют сдерживать свой порыв, ибо падать мне сейчас совсем не хочется.

Мелко семена на высоченных шпильках в узкой юбке, я прохожу вдоль стоящей Тверской. Жигули и Нивы наравне с Ягуарами и Мазератти неустанно бибикают друг другу, сливаясь в адской какофонии гудков, от которой моя бедная голова просто разлетается на мелкие кусочки.

Наконец, я подхожу к футуристическому зданию, врезанному в фасад старинного особняка, на котором, среди прочих дощечек с названиями фирм, висит эмблема моего нового работодателя.

Я уверенно вхожу в пустой холл, отделанный стеклом и хромом. Унылый охранник указывает мне на лифт на дилинговый зал банка на последнем этаже.

Ровно в девять утра, согласно требованиям своего трудового договора, я предстаю перед пустой регистрационной стойкой.

Жду пять минут.

Десять.

Пятнадцать...

Миленькая девушка чуть ли не в джинсах, балетках и без капли макияжа суетливо подбегает к деску.

– Здравствуйте, вы, наверное, Екатерина Кузнецова? – она вежливо улыбается. – Извините за опоздание. Пробки по понедельникам утром в Москве просто жуть, – неуклюже извиняется она.

– А если клиент позвонит? – деловито спрашиваю я.

– Обычно до полудня мало кто звонит – отвечает девушка с миленькой улыбочкой, как будто это может замять её явное нарушение. – Ваш пропуск готов, – говорит она дружелюбно.

Я небрежно ставлю свою подпись в каком-то журнале и терпеливо жду, пока она оприходует мой приход.

– Пожалуйста, – девушка наконец-то вручает мне пластиковую карточку с моей фотографией.

– Спасибо, – сухо говорю я и прикладываю её к двери в мир, где вращаются большие, очень большие деньги – они любят счет и никогда не спят. На дилинге в Лондоне люди вообще иногда не уходят домой, а если прийти больше двух раз позже семи утра – гарантированное увольнение, поэтому там всегда куча людей, все суетятся как в муравейнике, что-то делают...

Только тут... в Московском представительстве никого нет. Даже стажеров.

Огромный офис абсолютно пуст.

Столы, из какого-то темного, явно недешевого, дерева со шпоном, тут стоят не длинными рядами как в Лондоне, а отдельными островками и достаточно далеко друг от друга. Если в прошлом офисе у меня был вид на городскую свалку, хотя там никогда не было времени

смотреть из окна, то здесь картина совершенно другая. Кремль кажется настолько близко, что к нему практически можно прикоснуться, услышать его секреты.

В центре дилинга висит боксерская груша. Дальше стоит корзина с клюшками для гольфа, что объясняет наличие дыр в сером дизайнерском ковролине.

Неожиданно дверь открывается, и в комнату входит невысокий, полноватый, ничем не выразительный парниша и на ходу заправляет рубашку в брюки.

Обрадовавшись, что хоть кто-то тут есть, я направляюсь к нему с дружелюбной лондонской улыбкой.

– Привет! Я – Катя. Новый сейлз.

Парень с призрением смотрит на меня исподлобья и надменно говорит: «Дима. Трейдер». Он небрежно жмет мою руку своей потной ладонью и поспешно прячется за многочисленными мониторами на своем столе в дальнем углу комнаты. Он, должно быть, очень занят. В Лондоне трейдеры тоже бывают угрюмы по утрам в понедельник, что вполне естественно – ведь им приходится адаптироваться к произошедшим за выходные переменам на рынке.

Недалеко от его стола находится вход в просторную офисную кухню. Я направляюсь туда и, используя привитую Ричардом, тактику притворяюсь, будто не знаю, как включить кофемашину... только Дима полностью меня игнорирует.

В итоге я наливаю два эспрессо, наполняя офис свежим запахом кофе, кладу пару маленьких швейцарских шоколадок на блюдце и направляюсь к столу Димы, готовая очаровать и отвлечь его от скучных таблиц и графиков.

Подойдя ближе, меня как-то настораживают горящие глаза и обильное потоотделение на его лице, а вид активно-участвующей в жестком порно жопы на весь экран добивает меня окончательно.

Застыв в шоке, я что-то несуразно мямлю и, пытаясь не уронить чашки с кофе, убегаю в туалет, чувствуя укоризненный взгляд Димы на своей спине.

Местная дамская комната, должно быть, в два раза больше всей квартиры Ричарда. Тут пахнет лавандой и цитрусом. Я присаживаюсь на винтажный диван, без проблем вписавшийся бы во дворец Людовика XIV, и пытаюсь как-то отвлечь себя, пролистывая посты в Фейсбуке.

Через какое-то время дверь открывается, и потасканного вида блондинка с огромными губами, сиськами и тощими ногами возбуждает в моем, и без того взорванном мозгу, вопрос: «Какого лешего она тут делает?»

Цокая по мраморному полу, она вываливает все три сумки Louis Vuitton рядом с фешенебельным умывальником и тщательно моет рот.

– Привет, я – Катя, – говорю я нетипично высоким для себя голосом.

– Ой, господи, – она роняет от испуга какую-то баночку. – Ольга, – хрипит она низким сиплым голосом, – это просто какой-то кошмар. Я потратила сорок минут на эту фигню, а он так и не кончил – Блондинка старательно полощет зубы. – Ты новенькая? – спрашивает она, вытирая рот.

– Да, – ошарашенно киваю я.

– Будешь сидеть рядом со мной.

– А... – недоумеваю, мямлю я.

– Ща пойдем, – хрипит Ольга, медленно крася и без того ярко-алые губы.

Закончив поправлять свой макияж и основательно облившись Шанель, она медленно, покачивая бедрами, обходит весь торговый зал и в конечном итоге приземляется у стола возле окна с потрясающим видом на резиденцию Президента.

Ольга с безразличием показывает мне мой стол, увлеченно тыкая в свой розовый айфон.

Люди постепенно заполняют помещение. Большинство из них – ничем не выдающиеся мужчинки с дряблыми животиками, даже несмотря на свой вроде бы юный возраст. Несколько вошедших дам, наоборот, нереально эффектны: в коротких юбках и с открытым декольте, но,

видимо, тут таким уже давно никого не удивишь. В Лондоне это произвело бы фурор, хотя по большому счету там всё-таки ценят хороший вкус и хотя бы иллюзорную причастность к аристократии.

В какой-то момент, когда все, кажется, уже пришли, в дверь заходит далеко не модельной внешности дама и, разговаривая по мобильному телефону, уверенной мужской походкой направляется к столу рядом с Димой.

– Дима, начинай покупать. Только тихо, – читаю я по губам. Тушь на ресницах и аккуратно выщипанные брови говорят, что передо мной женщина.

– Сколько, Вэл? – шепчет Дима в ответ.

– Просто покупай. Я скажу, когда хватит.

– Ок, – Дима быстро колдует что-то на клавишах.

– Иван Петрович, – говорит она вежливо по телефону. – Вы купили четыреста миллионов долларов против рубля по курсу... – Вэл смотрит на один их экранов Димы, – 24.36. Вашему банку подтверждаем 24.38, разницу как обычно... все верно... через кипрскую контору. – Говорит она дружелюбно.

Я тут же высчитываю двухкопеечную разницу на покупке четырех миллионов долларов, получается триста тридцать тысяч долларов – навар Ивана Петровича, кем бы он ни был.

– Сколько ты купил? – сухо спрашивает трейдерша.

– Шестьсот двадцать миллионов долларов. Чёрт! Перекупил! – кипятится он.

– Да ладно, не ссы! Через лет пять будешь жалеть, что не купил больше, – она спокойно включает свой компьютер. – Какой средний курс покупки?

Дима откидывается на спинку кресла, складывая руки за затылком.

– 23.3450, – с гордостью говорит он, будто навар в четверть миллиона долларов это его заслуга. – Сделку заводить на Валькирию?

– Зарегистрируй шесть сделок на двадцать миллионов как продажу Валькирии и четыре сделки на тридцать миллионов как покупку нашего главного офиса у Валькирии, только на два пункта выше для каждой сделки. И смотри, чтобы без ошибок. Не надо нам опять потерянных миллионов, – она безразлично смотрит на часы.

– Мне надо сейчас отойти на собеседование с новой няней, – говорит она, вставая. – И не забудь подготовить список обналочки для Ивана Петровича за последний месяц, – тихо добавляет она.

Как и все остальные, я пытаюсь делать вид, что смотрю в свой монитор, пока Вэл проходит мимо моего стола. Но все мои три монитора предательски так и не включились...

– Ты, должно быть, Катя, – меня тут же замечают.

– Валерия? – я вежливо улыбаюсь и встаю для рукопожатия.

– Добро пожаловать в команду. Нам так не хватает лондонской закалки, чтобы встряхнуть это сонное царство. Они тут все совершенно бесполезны, – Валерия быстро бросает взгляд вокруг, и как раз в этот момент, словно по шучьему велению, в зал заходит лысый качок в дорогом костюме и с брутальным взглядом, забирая на себя всё внимание, в котором он явно привык купаться.

– Мне пора на встречу, – ставит Валерия всех в известность, игнорируя не такого уж и громилу. – А с тобой завтра идём на обед, – ставит она меня в известность, уверенной походкой, покидая помещение.

– Привет, – ко мне подходит явный фаворит женской части офиса. – Я тут только что завтракал с клиентом, он как раз улетает во Францию и собирается мне оттуда прислать ящик отборного бурбона, – загадочно произносит он, оценивая меня с головы до пят.

– Разве политика подарков от клиентов такое разрешает? – наивно спрашиваю я, выравниваясь и сравниваясь с ним в росте.

– Видишь ли, – он почти говорит «детка», – у мужчин есть свои темы. – Он гордо поправляет свой нежно розовый галстук. – Я в этом бизнесе уже десять лет. Всех знаю. К каждому у меня индивидуальный подход, – с шаловливой улыбкой нивелирует он, сверкая чересчур отбеленными зубами.

– И много ты заработал в этом году? – нарываюсь я, заведомо зная, что его показатели довольно низки.

– Вся информация по сделкам и клиентам находится во внутренней системе, – коротко сообщает мой новый «доброжелатель».

– Обязательно посмотрю.

– Ты должна будешь все свои сделки с клиентами согласовывать со мной. Я тут главный.

– Всенепременно, – лукаво отвечаю я.

Глава восьмая. Святая Екатерина

День тянется невыносимо долго, когда компьютер так и продолжает висеть...

Осознавая, что мне надо самой разрулить эту ситуацию, если я хочу чего-то достичь в банке, я деловой походкой направляюсь обратно на ресепшн.

К своему удивлению, девушка-администратор превратилась из серой мышки в прекрасную принцессу с накрашенным лицом, красиво уложенными волосами и в блузе персикового оттенка, из которой буквально вываливается её грудь.

– Привет, – не найдя ничего более подходящего говорю я. – Мой компьютер не включается, как бы мне связаться с айтишниками? – спрашиваю я с милейшей улыбкой.

– Три семь ноль пять, – без энтузиазма диктует она внутренний номер.

– Спасибо, – улыбаясь, продолжаю я. – Красивая кофточка – подходит под цвет твоей кожи. С утра ты совсем по-другому выглядела.

– Да, я всегда переодеваюсь в офисе. В таком виде в маршрутке лучше не ездить, – объясняет она. – Если хочешь, я могу позвать Федю, он сможет починить твой компьютер, – неожиданно предлагает она.

– Это было бы здорово! – радостно отвечаю я.

Спустя какое-то время приходит бородатый, но доброжелательный хипстер в очках и клетчатой футболке. Он разбирает мой системный блок и расспрашивает меня про Лондон. Я с небольшой ностальгией рассказываю ему о том, какой это замечательный город с прекрасной архитектурой, эксклюзивными тусовками, шикарным шоппингом и т. д. Его алаверды – празднование дня рождения бабушки его жены с майонезными салатами, жареной курицей и запеченной картошкой. Ольга с отвращением отворачивается, слыша перечисленное меню. После чего Федя плавно переходит на рассказы о том, как каждую пятницу он в хлам, а по воскресеньям его таскают на дачу к предкам.

Я бы застрелилась, если бы это было моей жизнью.

Наконец мой компьютер включается, и бородач уходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.